

Искорка

Очерк «Выстрел над Невой» читайте на 47-й странице.

№ 1

Январь 1967 г.

Е Ж Е М Е С Я Ч Н И К
газеты «Ленинские искры» — орган
Ленинградского Обкома и Горкома ВЛКСМ,
Ленинградского Совета пионерской
организации имени В. И. Ленина

Н. Слепакова

Рисунок А. Курушина

БОЛЬШОЙ СОВЕТ

Я люблю тебя, «Аврора».
Я приду к тебе под дождь,
Хоть и знаю — разговора
Ты со мной не заведёшь.
Я обязана вначале
В три больших твоих трубы
Нашептать свои печали
И дела своей судьбы.
И когда наступит полночь
И в домах погаснет свет,
Ты слова мои припомнишь,
Соберёшь Большой Совет.
Отплывёшь ты, оживая,
С водовертью за спиной,
Зычно сверстников сзывая
Под ночью тишиной.
И пойдут сквозь дождь
холодный

На знакомый этот крик
Паровозик старомодный,
Знаменитый броневик.
Тихо пыхнет паровозик,
Лязгнет сталь броневика,
И «Аврора» переспросит
Их при помощи гудка.
Однокашники, соседи,
Постоят они в тиши,
В озабоченной беседе
Про судьбу моей души.
И к утру, в разгаре спора —
Чуть немного схлынет тьма —
Прогудит моя «Аврора»:
— Пусть подумает сама!
И когда наступит утро,
Я почувствую — уже
Стало легче мне как будто,

Стало проще на душе:
Не простые ведь машины,
Сталью доброю звеня,
Мне поверили — решили
Положиться на меня.

КЛИМКИН ШАР

КЛИМКУ разбудил чуть слышный хрустальный перезвон. От приятного сказочного перезвона, от лесного хвойного запаха на сердце стало тепло и радостно. Климка сдёрнул с себя одеяло, повернулся на бок и, не открывая глаз, пошарил рукой около кровати. Валенки на месте не было.

Тогда он быстро открыл глаза и увидел в углу под потолком россыпь крохотных огоньков. Они покачивались, издавая хрустальный звон. А под ними на полу рядом с Климкиными валенками кто-то стоял. Белый. Маленький.

— Ну-ка, ну-ка, — прошептал Климка и босиком зашлёпал к ёлке. Присел на корточки перед дедом-морозом и, сдерживая дыхание, опустил руку в валенок. Пальцы нащупали кулёк с конфетами и пряниками. Потом под ладонью скрипнуло что-то упругое, гладкое, свернутое колесом. «Ремень! — догадался Климка. — Лакированный, наверно. С серебряной пряжкой!» О таком ремне он мечтал уже год!

Из второго валенка Климка вытащил такое, что на ощупь в тёмной комнате и не разберёшь. Вроде пластинка железная... А на ней болтики, фи-

гурки, пружинки... Он случайно нажал на какую-то выпуклость. Пластинка как живая дёрнулась у него в пальцах, раздался щелчок, вспыхнула и погасла искра.

Климка широко улыбнулся в темноте:

— Батя смастерил!

Он снова нажал на выпуклость. Игрушечный кузнец ударил молоточком по кремнёвой наковаленке и высек искру. С другой стороны на пластинке была другая пружинка. Климка разгадал секрет. Теперь уже два молотобойца заработали под ёлкой, выбивая голубые искорки.

— Никак проснулся? — слышался на кухне мамкин голос.

— Стрекошет! — отозвался отец. — Быстро сообразил, что к чему.

Климка прижал к груди подарки и, подбегая к кухонной двери, почувствовал густой пряный запах горячих праздничных пирогов.

ОТЕЦ в новой рубаше с расстёгнутым воротом сидел спиной к пышущей жаром плите. Был он не очень широк в кости, немного сутулый, но крепкий, как то железо, которое ковал на заводе вот уже лет пятнадцать без перерыва.

Ел он не жадно, но быстро и деловито, с улыбкой поглядывал на сына.

— Мамка-то, а?.. Расстаралась!

— Угу! — промычал Климка. — Вкусно!

Даже в их семье, считавшейся довольно зажиточной, такой стол накрывался лишь по большим праздникам: студень из телячьих ножек, рубец, винегрет с солёной рыбой, пироги с мясом и капустой. Ешь — не хочу! И Климка старался. Весь ушёл в тарелку.

— Ну так что, мать? Порешили? — отодвигая тарелку, спросил отец.

Климка насторожился — очень уж необычный, серьёзный был голос у отца.

— Смотри, Петруша. Тебе видней, — покорно ответила мать. — Только бы не надорвался ты. А то пустит она нас по миру.

— Ты о себе подумай — тебе работы прибавится!

— А я помогу! — подскочил Климка.

Он уже догадался — речь шла о корове. Разговор про корову возник в семье давным-давно. Сначала о ней говорили весьма неопределённо, как о чём-то далёком, несбыточном. С завистью вспоминали соседей, имевших коров. Это были помощник мастера, заводской вахтёр или ещё кто-нибудь из тех, кому деньги давались полегче. Отец Климки работал простым молотобойцем. Не совсем простым, правда. Цеховое начальство выделяло его за силу и выносли-

вость, за покладистый характер. Когда надо, он мог отмахать молотом две смены подряд. Он и зарабатывал больше других. Мать вела хозяйство экономно и откладывала часть денег на всякий случай. Когда эта сумма перевалила за сотню рублей, разговоры о корове стали повторяться всё чаще.

Климка был всегда за корову, поэтому он не задумываясь обещал свою помощь. Мать погладила его по упругим, как стружка, волосам и спросила у мужа:

— Присмотрел уже?

— Есть на примете... У хозяина корма кончились, а сено нонечь дорогое... Продаёт... Кличут Зорькой.

— А мы чем кормить будем? Деньги-то, небось, все уйдут на неё.

— Займём. К лету расплатимся.

— Вот я и боюсь — не надорвался бы ты. Будешь по

две смены работать! — вздохнула мать.

Отец обнял её за плечи, щекотнул чёрной бородой.

— Не такие уж мы с тобой старые да хилые — выдюжим! Зато потом полегчает. Корова — она корова! От неё и навоз в дело идёт...

КАК только посветлело, Климка, погрузневший от сытых мамкиных пирогов, вышел во двор.

Несмотря на мороз, он нарочно не застегнул полушубок, чтобы похвастаться новым ремнём, который отливал чёрным глянцем на сатиновой рубаше.

Правую руку он держал в кармане брюк. Там, среди россыпи конфет, кузнецы бойко постукивали молоточками. «Не прожечь бы штаны!» — подумал Климка, вспомнив про искорки. Он даже нагнулся и потянул носом воздух — палёным не пахло. Кто-то шлёпнул его пониже поясницы.

— Ты что, пироги вынюхиваешь? — захохотал Шурка.

Климка повернулся к дружку, хвастливо выпятил живот. Шурка ахнул — такой ремень был только у приказчика в самой большой лавке на их улице.

— А во ещё что! — Климка вытащил из кармана кузнецов и стал высекать искорки перед самым носом дружка.

— Тебе хорошо! — с завистью вздохнул Шурка. — У тебя батя такой. Ему молот — что спичка! Как ударит — копейка!

— На! — Климка протянул конфету, чтобы утешить дружка. — А у тебя опять?

— Опять! — Шурка махнул рукой. — Как вчера напился, так и лежит.

Мальчишки вышли на улицу. Здесь уже начиналось новогоднее гулянье. К кабаку неторопливо, чинно шли пожилые рабочие — опохмелиться после вчерашнего. Расчистив завалинки от снега, у домов сидели женщины в праздничных косынках, щёлкали семечки. Посередине улицы с песнями проходили ватаги девчат и парней. Тренькали балалайки. Гармонист красными от мороза пальцами растягивал меха тальянки.

Под громкий смех всей улицы какой-то подвыпивший рабочий вынес из дома дымящийся самовар и, беззлобно переругиваясь с женой, выскочившей за ним на крыльцо, поставил его на летний столик, сколоченный под окнами. Самовар наполовину погрузился в снежную шапку, закрывавшую стол, а рабочий сел на скамейку и крикнул:

— Катька! Чашку и блюдце! Хочу, чтоб с народом!..

Жена взмахнула руками, запричитала, но принесла и чашку, и блюдце, и чайник с заваркой.

Дружно ударили церковные колокола. Ликующий перезвон поплыл над домами, над заводом, над высокими трубами, не пачкавшими в тот день небо. Из церкви повалил народ. Вышел и генерал — начальник завода. Сел в богатые са-

ни. Молодой жеребец в яблоках медленно повёз его по улице. Люди расступались, снимали шапки, кланялись.

— С праздником вас! — приветливо кивал головой генерал. — С праздником!

У дома, где на морозе распивал чай подвыпивший рабочий, начальник завода велел остановиться. Холёные усы поползли вверх, обнажив крепкие белые зубы.

— С праздником, Митрич!

Застигнутый врасплох, рабочий вскочил по-солдатски и не впопад брякнул:

— Рад стараться, ваше превосходительство!

— Вижу, что стараешься! Вовсю! Со вкусом, по-русски! — сквозь смех проговорил генерал. — Зависть берёт на тебя глядя. Угостил бы, что ли, чашечкой!

— Катька! — заорал Митрич. — Чашку! Да чистую, смотри!

Он поставил чайник на самовар, подхватил его за ручки, выдернул из протаявшего снежного гнезда и молодцевато понес к генеральским саням. Куда и хмель девался — не споткнулся, даже не качнулся ни разу.

Запыхавшись, подбежала к саням жена с подносом, прикрытым чистым полотенцем. На нём — вазочка с сахаром, чашка на блюде. Она ловко налила чаю и с поклоном поднесла генералу. Начальник завода с явным удовольствием отпил несколько больших глотков.

— Ну... Ещё раз — с праздником! Гуляйте, братцы!

Люди, успевшие собраться вокруг саней, поспешно расступились. Перед лошадиной мордой остались только Климка да Шурка. Генерал заметил их и подозвал к себе. Мальчишки подошли несмело. Начальник завода дал им по новенькому серебряному рублю. Кучер свистнул. Жеребец заложил уши и ходко припустил по улице. В загнутый передок саней забарабанили спрессованные копытами комья снега.

МАЛЬЧИШКИ бежали не хуже генеральского рысака. Их подгоняла тревожная радость. Ещё бы! По целому рублю! Но вдруг генерал одумается — потребует деньги назад? И Климка с Шуркой не жалели ног. В безопасности они почувствовали себя только тогда, когда очутились в сарае и захлопнули за собою дверь. Климка закрыл её на крючок, торопливо вытащил рубль и поднёс к щели, сквозь которую пробивался свет. Шурка сделал то же самое. С минуту разглядывали поблёскивающие серебряные кругляки.

— Здрóрово! — прошептал Шурка. — Можно купить полсотни конфет и десять пряников!

— А я куплю восемьдесят! — отозвался Климка, хотя ему ни конфет, ни пряников сегодня не хотелось.

— А я — сто! — не сдавался Шурка.

— А я — двести!
— Вот и врешь! — хихикнул Шурка. — На двести не хватит!

Климка понял, что перегнул, и надулся. Они помолчали.

— А знаешь что? — примирительно произнёс Шурка. — Сбрехал я... Не куплю я ничего. — Он вздохнул. — Мамке отдам.

— Ну и дурак! — буркнул Климка. — Отец отнимет и снова напьётся.

Без толку!.. Вот если я отдам — батя сена купит!

— Сена?

— Ты что, не знаешь? Мы корову держать будем!

Климка думал, что дружок лопнет от удивления, но Шурка лишь кивнул головой.

— Слышал... А тоже толку не будет.

Климка с усмешкой пошлёпал Шурку по лбу.

— Пусто у тебя! Молоко любишь?

— Люблю. А что из того? Рабочим корова не полагается. Мы б тоже, может, скопили денег, да незачем! Отец говорит — ничего рабочим не положено. Работай только и пей. А я, говорит, послушный — работаю и пью!

— Пьёт, потому что пьяница! — отрезал Климка. — А с моим батей сам начальник цеха за ручку здоровается!

— Подумаешь! — скривился Шурка. — А моего... — он

уткнулся губами в самое Климкино ухо и потребовал: — Побожись, что никому!

— Ей-богу! — Климка перекрестился и придвинулся к дружку.

— А моего, — повторил Шурка. — Это он спьяна проговорился... Только ты смотри!

Климка для верности ещё раз поспешно обмахал себя крестом.

— Моего, — прошептал Шурка, — в тайный рабочий кружок звали!

— В тайный?

— В самый что ни на есть!

— А что там делают?

Шурка пожал плечами.

— Не пошёл он. Говорит — колени дрожат, а туда на твёрдых ногах идти надо.

Если бы Шурка принялся расписывать тайный кружок, Климка не поверил бы. Но Шурка ничего не знал и честно в этом признался — верный признак, что не врёт. Климке было не важно, что за кружок. Тайный — этим всё сказано. И мальчишка почувствовал обиду за своего отца.

— Мой бы батя пошёл!

Шурка спорить не стал.

Дружки посидели ещё в сарае и, договорившись встретиться днём на ярмарке, разошлись по домам.

ОТЕЦ раскладывал на три стопки пятёрки, трёшники и рубливки. Крупнее денег не было.

Климка присел рядом и терпеливо ждал, когда отец закончит считать.

— Двадцать семь! — произнёс отец и отодвинул в сторону пачку рублёвых бумажек.

— Двадцать восемь! — торжественно возразил Климка и положил на пачку серебряный рубль.

— Откуда? — удивился отец.

Климка рассказал про генерала и неожиданно спросил:

— Папка, а ты пошёл бы в тайный кружок?

— Куда?

— В тайный рабочий кружок.

Отец слышал о заводском кружке. Изредка о нём толковали среди рабочих. Говорили, что там читают запрещённые книги про царя и министров. Но откуда приносят эти книги, где собирается кружок и кто в него входит, было никому не известно. Климкин отец всегда держался подальше от таких разговоров. Он не боялся, а просто считал, что каждый человек сам выбирает свою дорогу в жизни. Здоровый и сильный, он надеялся только на себя и твёрдо верил, что проживёт с семьёй не хуже, а лучше других.

Климка думал, что вместо ответа отец начнет спрашивать, кто рассказал ему про кружок. Но получилось не так. Настроение у отца было праздничное, благодушное. Ему захотелось поговорить с сыном

откровенно. Он накрыл ладонью деньги.

— Ты в кружок меня приглашаешь, а я за Зорькой собрался. Приведу её — мамка молока нацедит в кружку парного... А что я из кружка принесу? Горечь одну! Плохо, мол, всё вокруг... А оно лучше-то не станет. Ну поохаем лишний раз. А я люблю не охать, а делать, чтоб лучше было... Выходит, что из кружки толку больше, чем от кружка!

— А чего ж он тайный? — разочарованно спросил Климка.

— Часто ты слышал, чтобы правду громко говорили?

— Значит, там правда?

— Не был, не знаю, — уклончиво ответил отец. — Думаю, что правда. Только она при силе хороша.

— Ты же сильный!

— Не ахти как! — улыбнулся отец. — Моей силы как раз на нас троих хватает, а больше не потяну.

Помолчав, отец добавил:

— Ты про кружок-то по-малкивай, а то вреда людям наделаешь. Дослышится кто-нибудь — и пойдёт: откуда, кто сказал?.. Я и то у тебя про это не спрашиваю — знать не хочу. Лишний человек — тайне помеха!..

ПРАЗДНИЧНУЮ ярмарку всегда устраивали на большом пустыре за заводом.

Когда Климка пришёл туда, вся площадка, огороженная рядами ларьков и стоек, была забита народом. В центре высилась ёлка, увешанная

дешёвыми игрушками из разноцветного картона. Под ёлкой стояла «избушка на курьих ножках» — разрисованная фанерная будка для актёров, которые обычно приезжали на ярмарку.

Климка нашёл Шурку у ларька с конфетами. Чего там только не было! Шурка с каким-то восторженным изумлением пялил глаза на это сладкое изобилие.

Продавец в надвинутой на самые брови шапке зябко похлопывал рукавицами, ожидая очередного покупателя, кланялся, когда кто-нибудь подходил к ларьку, и бубнил заученно:

— Медовые, медовые! В копейку и рублёвые! Одну попробуешь — вторую в бумажке проглотить!

Мальчишки пошли по кругу вдоль стоек и ларьков с пирожками, платками, игрушками. У ёлки начал толпиться народ — побежали туда.

Из избушки вышли дед Мороз весь в вате, с огромным красным носом, с большущим мешком за плечами и Снегурочка в марлевой накидке с серебристыми звёздочками, в шапочке с густой вуалью, закрывавшей лицо. Дед Мороз поставил на снег мешок, оглядел толпу из-под густых ватных бровей. Наступила тишина.

— А что у тебя в мешке, дедушка? — спросила Снегурочка каким-то фальшивым, совсем не женским голосом.

— Прошое, настоящее и

будущее, — глухо, как из-под земли, пробасил дед Мороз.

— Покажи, дедушка! — попросила Снегурочка.

Дед Мороз стал развязывать мешок, вытащил оттуда надутый шар, и все увидели на прозрачной плёнке портрет Александра Третьего. По толпе пронёсся шумок разочарования. Кого удивишь портретом умершего царя?

Вдруг пронзительно заверещала свистулька:

— Уйди-уйди-уйди!

Это Снегурочка надула «чертика», и теперь он заливался на всю ярмарку:

— Уйди-уйди-уйди!..

Шар с портретом царя неожиданно лопнул и разлетелся на мелкие лоскутки. Кто-то рассмеялся, но ещё никто не понял, что происходит. А дед Мороз вытащил из мешка шар с портретом Николая Второго.

— Уйди-уйди-уйди! — опять заверещала свистулька.

Толпа зрителей замерла. Теперь даже Климка почувствовал, что представление какое-то необычное, опасное, со скрытым смыслом. Все ждали, что и этот шар разлетится на кусочки.

— Уйди-уйди-уйди! — заливался «чёртик», но шар не лопнул. — Уйди! — требовал «чёртик» и вдруг лопнул сам.

— Силёнок не хватило! — сочувственно произнёс кто-то в толпе, и Климка узнал голос Шуркиного отца.

— Есть и на него сила! — басовито сказал дед Мороз и выхватил из мешка третий шар.

На нём виднелся рабочий с занесённым над головой тяжёлым молотом. Климка удивился: его игрушечные кузнецы и этот рабочий были как родные братья.

Два шара — царь и рабочий — стали сближаться. Не шелохнувшись стояла толпа, скованная напряжённым ожиданием. Климка приоткрыл рот. Сзади сгрудившихся у

ёлки людей раздался свисток городского. А шары все сближались под этот тревожный свист. С треском разлетелся портрет царя. Шар с рабочим взмыл кверху и торжественно поплыл над толпой, провожаемый взглядами всё ещё молчавших людей и сердитыми трелями полицейских свистков.

— Ишь ты как оберну-

лось! — сказал кто-то рядом с Климкой.

— Это они! — услышал Климка восторженный Шуркин шёпот.

— Кто? — спросил он, не спуская глаз с шара.

— Я ж говорил тебе! — отозвался Шурка. — Помнишь — в сарае?

Климка понял, наконец, на кого намекает Шурка, и посмотрел под ёлку. Деда Мороза и Снегурочки уже не было. У избушки валялись куски ваты, мешок, марлевая накладка.

Сзади нарастал шум. Городовые старались пробиться к ёлке. Это им никак не удавалось. Люди, вроде, и не мешали им, но получалось так, что как раз там, где были городовые, толпа становилась особенно густой — не протолкнуться.

А шар всё плыл, постепенно удаляясь от ярмарки. Он летел невысоко, — газа, наверно, в нём было мало. Ветерок нёс его на заснеженные деревья кладбища.

— Айда за ним! — прошептал Климка. — Далеко не улетит — поймает!

КЛИМКИН отец важно шагал по тракту. На правую руку, отведённую за спину, была намотана верёвка. Другой её конец петлёй обхватывал широкие коровьи рога. Зорька изредка помахивала головой, дёргала верёвку. При каждом таком рывке отец оборачивался, улыбался и ласково говорил:

— Чего? Чего?.. Притоми-

лась?.. Ничего — скоро дойдём!

Один раз корова остановилась и печально промычала. Остановился и Климкин отец, погладил Зорьку по шее.

— Дурёха!.. А голос-то бархатный... Да ты не тужи — у нас не хуже будет!

Он причмокнул губами, как на лошадь, и осторожно потянул за верёвку. И снова они пошли друг за другом по пустынному тракту. На этом участке домов не было. Справа — река с обрывистым берегом, слева — заваленные снегом пустыри. Поблёскивали рельсы конки. Отец вёл корову подалее от них, чтобы она не испортила копыта.

— Придём — сенца тебе задам, — приговаривал отец. — А там и весна скоро... Свеженькой травки хочешь?.. А ко-су-то придётся покупать.

Сзади слышался шум. Отец обернулся. Их догоняла конка. Паровичок — дело привычное, и не он насторожил Климкиного отца. Чуть поотстав от конки, неслись всадники. Их было много. Конный отряд шёл на рысях во всю ширину тракта. Эта лавина с грохочущей конкой во главе надвигалась на Климкиного отца. Он не знал о случае на ярмарке и не мог догадаться, что встревоженный полицмейстер выслал к заводу усиленный наряд пеших и конных городских.

До конки осталось каких-то сто метров. Климкин отец потуже намотал верёвку на кулак и по глубокому снегу от-

вёл корову к самому обрыву. Здесь они и остановились. Поравнявшись с ними, паровичок выбросил белое облако пара и сипло проревел. Зорька испуганно взмахнула рогами и попятилась. Отец напружинил руку.

— Стой!.. Задрожала!.. Это ж паровик, а не тигра!

Внутри вагонов и на верху конки, на империале, сидели городовые. Сквозь дробный перестук копыт раздался хохот. Городовых рассмешила эта пара — корова и рабочий. Размахивая головой и осев на задние ноги, она тянула подалее от тракта. А рабочий, выгнув широкую спину, двумя руками вцепился в верёвку и сдерживал её.

Кто-то из городских лихо свистнул — как плетью огрел. Зорька рванулась. Верёвка лопнула. Климкин отец упал в снег, а корова исчезла, словно и не было её над обрывом. С хохотом и улюлюканьем проскакал мимо конный отряд.

— Зорька! — отчаянно закричал отец.

Он стоял у самого обрыва и смотрел вниз. Там лежала корова, неестественно подогнув передние ноги.

— Зорька! — ещё раз крикнул отец и на спине поехал вниз по откосу.

Корова лежала на заснеженных брёвнах. Её глаза с укором и болью смотрели на человека. Тяжело вздымались бока. Климкин отец увидел вывернутые суставы, застонал, зажмурился и прикрыл лицо рукой, с которой свисал обрывок верёвки.

КОГДА конные городовые прискакали к заводу, ярмарочная площадь опустела. Людей будто вымело с улиц и переулков. Притихла застава. Только в кабаке напротив Климкиного дома горланили пьяную песню.

Городовыми командовал пристав. Он приказал обойти все дома и с пристрастием до-

просить рабочих. Не могли же эти дед Мороз и Снегурочка исчезнуть бесследно! Кто-нибудь из толпы, окружавшей ёлку, должен был видеть, как они сбрасывали свою маскарадную одежду.

Городовые рассыпались по заставе.

Климка и Шурка сидели в комнате под ёлкой и, как заговорщики, переглядывались, хихикали и подмигивали друг другу.

— Покажи-ка ещё! — попросил Шурка.

Климка прислушался. Из кухни доносилось позвякивание ложек. Мать накрывала стол к ужину.

— Тихо! — предупредил Климка и вытащил из-за пазухи сморщенный комочек резины. Он подул в него. Резина расправилась, проступили знакомые очертания фигуры рабочего.

Послышались шаги. Заскрипел снег на крыльце, хлопнула дверь.

— Отец? — спросил Шурка.

Климка отрицательно замотал головой: отец никогда так не хлопал. Шурка дёрнул за нитку — хотел выпустить воздух из шара, но нитка затянулась в узелок. Мальчишки растерялись. Климка с перепугу попытался засунуть надутый шар за рубашку.

— За ёлку! За ёлку его! — подсказал Шурка.

Шар запихнули в угол, за ёлку, прикрыли ветками и плюхнулись на пол. Климка схватил кузнецов и заставил их бить по наковальне.

Вместе с матерью в комнату вошёл городской — не из тех, что приехали по приказу полицмейстера, а свой, местный.

— Сама беспокоюсь! — говорила мать взволнованно. — Нет и нет его! И куда запропастился?.. Да вы присаживайтесь, Николай Кузьмич!

Городовой сел, положил фуражку на соседний стул.

— Может, чайку или... покрепче чего? — предложила мать.

— Спасибо, Варвара. Не до чаю! Генерал гневается!.. Это ж надо — весь праздник к чертям!.. Твой-то, говоришь, с утра ушёл?

— Не то чтоб с утра, а рано — часиков в двенадцать...

В комнате наступила неловкая тишина. Городовой посмотрел на мальчишек, увидел игрушку, заинтересовался.

— Покажи-ка!

Климка молча подал ему кузнецов.

— Отец сегодня подарил, — пояснила мать.

Городовой несколько раз нажал на пружинки, усмехался, когда молоточки били по наковальне, и вдруг насупился. Его поразило сходство кузнецов с тем рабочим, которого он видел на шаре деда Мороза.

— На ярмарке был? — спросил он у Климки.

— Бы... был! — заикаясь, произнёс мальчишка и зачем-то оглянулся на друга.

Шурка сидел под ёлкой и боялся пошевелиться. Какая-то сила так и хотела повернуть его голову в ту сторону, где за густыми еловыми ветка-

ми матово поблёскивал шар с рабочим.

— Был, значит? — переспросил городской. — И что же ты видел?

Климка подвинулся к матери.

— Н-н-ничего!

Мать положила руки на его плечи, прижала к себе.

— Что он мог там видеть, Николай Кузьмич?.. Баловался с ребятами!

— Погоди, Варвара! — остановил её городской. — Ты лучше выйди, а мы тут разберёмся.

Он подмигнул матери: мол, не бойся, не съём твоего сына, иди спокойно. И она, доверившись ему, пошла к двери. Только в её глазах, как смутное предчувствие несчастья, опять появилось грустное выражение.

Городовой за руку подтянул Климку к себе.

— Деда Мороза видел?

— Не видел! — ответил мальчишка, чувствуя, что вместо страха и растерянности в нём пробуждается упрямая злость.

Городовой подтащил его ещё ближе, сжал коленями и поверх головы Климки посмотрел на Шурку и поманил его пальцем. Когда тот подошёл, городской поставил и его между своих угловатых коленей.

— А ты видел?

— Конфеты видел... Большие! — срывающимся голосом ответил Шурка.

Глаза у городского были бледно-голубые и какие-то липкие. Он по очереди смотрел

на мальчишек и молчал. Может быть, на этом всё бы и закончилось, но Климка допустил ошибку. Мальчишки стояли бок о бок, плотно прижатые друг к другу коленями городского. Климка чувствовал, как дрожит рука Шурки и, чтобы подбодрить дружка, быстро пожал ему пальцы.

Городовой заметил это движение. Его правая рука потянулась к лакированному ремешку, поблёскивавшему на Климке, расстегнула его и сложила вдвое. Левой рукой он пригнул головы мальчишек к своему животу.

— Начнём с богом! — услышал Климка и по движению руки городского, догадался, что тот крестится.

Шурка захныкал тихонько и жалобно. Климка сердито боднул его головой.

— Скажете, когда хватит, — предупредил городской и хлестнул ремнём по спинам мальчишек.

Климка боли не почувствовал. Он смотрел вниз и видел начищенный сапог городского. Вверх по голенищу к Климкиному носу полз клоп. Мальчишке стало противно до тошноты. Он рванулся, но рука городского, как прессом, давила его сверху. Тогда Климка размахнулся ногой и стукнул валенком по сапогу городского.

— Ах ты, зверёныш!

Ремень со свистом опустился на мальчишек — раз, ещё раз... И вдруг рука с ремнём остановилась. Климка не услышал, а скорей догадался, что кто-то вошёл в комнату.

Мальчишка выпрямился и оглянулся. В дверях стоял отец. Он был страшен: лицо перекошено злобой, без шапки, волосы припорошены снегом, на полушубке — кровавое пятно. Пальцы всё ещё сжимали обрывок верёвки.

Сзади стояла мать, боязливо трогала его за плечо и повторяла со слезами:

— Петруша! Уймись!.. Петруша! Родной!..

Всё, что было после, Климка запомнил плохо. Звенели игрушки на ёлке, когда отец выбрасывал городского из комнаты. Плакала мать, прислонившись к стене. Захлёбываясь, надрывались на улице полицейские свистки. Климка

каким-то образом очутился на крыльце. Рядом под окнами отец дрался уже с двумя городовыми. Потом их стало больше. Отца скрутили и поволокли со двора на улицу. А Климка вбежал в дом, вытащил из-за ёлки шар и опять выскочил во двор. Ему казалось, что всё ещё можно уладить. Стоит только отдать шар — и отца отпустят и всё будет, как прежде: мирно, спокойно и празднично.

Он выбежал с шаром за калитку на тёмную улицу и крикнул:

— Возьмите!

На него никто не обратил внимания.

Окружённый городовыми, отец стоял около саней. В них Климка увидел генерала. А вокруг в быстро наступавших сумерках густела толпа. На крыльце кабака Климка заметил Шурку, его отца и ещё нескольких подвыпивших рабочих.

Один из городских докладывал что-то генералу. Климка слов не слышал, но видел, что генерал взял у кучера кнут и хлестнул отца по лицу.

— Возьмите! — снова закричал

Климка и высоко поднял руку с шаром. — Возьмите! Вот он!

На этот раз его услышали. И городовые, и толпа вокруг — все посмотрели на шар, на рабочего, замахнувшегося тяжёлым молотом.

Шуркин отец, пошатываясь, сбежал с крыльца.

— Ты что ж это? — он укоризненно помотал головой. — Это не игрушка! Это вроде флага получается! А ты его — врагам! Не положено!

Он взял шар.

Генерал прокричал что-то. Городовые, оставив Климкина отца у саней, ринулись к шару. Но и толпа пришла в движение. Шуркин отец и Климка оказались в гуще людей. Какой-то мужчина басовито сказал:

— Пьяным флаг тоже несподручно! Дай сюда!

Климке показалось, что этот голос ему знаком. Он даже подумал: не дед ли это Мороз? Мужчина поднял шар над головой и крикнул:

— Гони фараонов!

Подталкивая друг друга, тесня городовых, люди пошли вперёд — к генеральским саниям. Климка, Шуркин отец и появившаяся откуда-то мать Климки остались сзади. Подбежал Шурка. Отец пьяно всхлипнул.

— Эх, сынок!.. Не доверили... И никому не пожалишься — сам знаю... С флагом на твёрдых ногах идти надо!

А толпа с криком и свистом наступала на городских. Умчались сани с генералом. Полицейские разбежались.

— Расходись! — прокричал знакомый бас.

Становилось темней с каждой минутой. На тракте замелькали силуэты рабочих, торопливо расходившихся по домам. Подошла Шуркина мать, молча увела мужа и сына. Климка со своей матерью остались у калитки вдвоем. Она уже не плакала. Сцепив в отчаянии пальцы, тоскливо смотрела в темноту. Увидев двух мужчин, приближающихся к калитке, она вздрогнула и подалась вперёд. Климка узнал отца и того, чей голос был похож на голос деда Мороза.

Они остановились рядом с калиткой.

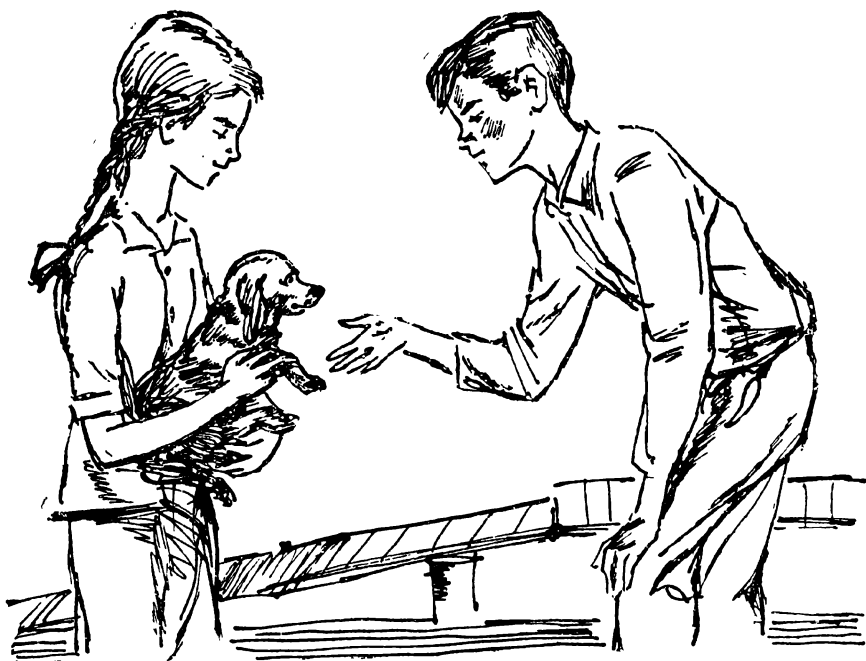
— Мой тебе совет, — сказал мужчина, — когда придут за тобой, — не рыпайся, иди. За драку штрафом отделаешься, а больше грехов за тобой не числится. Подержат и отпустят.

— А корова? — спросил отец, и потрогал рубец на щеке — след генеральского кнута.

— Корова не по моей линии! — усмехнулся мужчина. — Придумаешь что-нибудь поумнее, — приходи, потолкуем.

И он ушёл.

Зазвонили колокола. Церковь созывала людей на вечернюю службу. Кончался первый день нового года и нового века.

УШАСТИК

ТОТ ГОД, когда у нас появился Ушастик, был трудным годом. Недавно кончилась война, мама привезла нас с Шуркой обратно в Ленинград из далёкого сибирского города Кемерово, где мы жили у бабушки.

Мама уходила на работу, на свою фабрику, а мы отправлялись гулять. Мы жили за Смольным в старом деревянном доме. Теперь этого дома давно уже нет, на его месте выстроено красивое шестиэтажное здание, улицу нашу залили асфальтом. А раньше она была вымощена крупным булыжником, по которому громыхали грузовики. Невда-

леке простирался зелёный пустырь, размещались лесные склады, огороженные дощатыми заборами.

По Неве плыли баржи с кирпичом, досками, песком. К нашему берегу приставали плоты. Сплавщики разводили костёр, варили уху. Иногда угощали и нас, ребят.

Однажды весной к берегу причалил плот с шалашиком посередине. Из шалашика вышел небритый дядька в тельняшке, посмотрел на нас с Шуркой и сказал:

— А ну, пескари, давайте сюда. Только глядите, не оступитесь.

Шурка взял меня за ворот-

ник и повёл впереди себя. Так мы по узкой доске прошли на плот и остановились. Из шалашика доносился писк.

— Не бойсь, — сказал дядька и подтолкнул меня в спину.

В шалашике на кучке сена что-то копошилось. Я пригляделась и увидела: щенки! Сам маленький, а уши большие, как два меховых лоскутка.

Мы с Шуркой разом присели на корточки и принялись гладить щенка. Он ткнулся мне в руку, лизнул ладошку и опять запищал — жалобно-жалобно.

Вот, — сказал дядька, — молока просит.

— А где его мама? — спросила я.

Дядька крикнул, поскрёб небритый подбородок.

— Его матку, понимаешь, бревном придавило. Вот... Хорошая была собака. Умная.

— Бедный ушастик! — сказала я и взяла щенка на руки.

А дядька сказал:

— Берите насовсем. Мне с ним не с руки возжаться.

В ТОТ ГОД мне казалось, что главной заботой советской власти было досыта накормить ребят. В первую очередь таких, у кого отец не вернулся с фронта.

В школах, на фабриках и заводах были устроены детские столовые. Меня с Шуркой прикрепили к столовой на Суворовском проспекте при военном госпитале. Хромой солдат в белом колпаке, дядя Володя, накладывал из большого котла в наши миски ов-

сянную или перловую кашу с куском селёдки, а, бывало, и манную с ложечкой масла. В чашки наливал жидкий чай, а иногда густой бурый напиток — соевый шоколад, кажется. Мы усаживались за длинные столы и поскорее выпивали сначала шоколад, а потом уже ели кашу с селёдкой.

Когда у нас появился Ушастик, мы стали таскать с собой кружку; одну порцию съедали в столовой пополам с Шуркой, а вторую уносили домой для щенка.

На третий день мама узнала про всё это и очень рассердилась.

— Сами досыта не едят, кожа да кости, а ещё дармоеда приволокли!

— Мама, у него же никого нет, — сказал Шурка. — У него мать бревном придавило.

А я сказала:

— Мам, у него только уши большие, а сам-то он маленький. Много ли ему надо?

Но мама всё равно сердилась... Вообще-то наша мама была добрая. Но она всё ещё ждала известий от нашего папы. А их не было и не было. А ещё — она очень уставала на фабрике, работала с утра до вечера. Тогда все так работали.

— Чтоб я не видела здесь вашего заморыша. Несите его обратно, где взяли, — велела мама.

А куда нам было его нести! Плот с небритым сплавщиком уже ушёл, а во-вторых, Ушастик был вовсе не заморыш. Его коричневая шерстка была

густая и тёплая, хоть и грязная, а глаза круглые и влажные. И ласковый он был — всё лизал мои руки. А играл как забавно! Когда мы накормили его размоченным в чае хлебом, он завилял пушистым хвостом, подпрыгнул сразу на всех четырёх лапах и вдруг затыкал — тоненько и звонко. На меня затыкал, потому что я в это время скакала на одной ноге.

Мы с Шуркой принялись бегать по комнате, а Ушастик гонялся за нами, прыгал и мотал мохнатыми ушами. А потом остановился как вкопанный, лапу поджал, одно ухо приподнял, голову наклонил набок и наострил весь, смотрит то на Шурку, то на меня — за кем бы погнаться?

И ребятам с нашего двора он тоже очень понравился, все хотели приласкать его, подержать на руках. Соседский Ромка всегда обзывал меня Мышонком и дёргал за косу, а тут не стал дразнить, наоборот, два раза принёс для Ушастика лепёшки. А Зина Ключкова отдала свой гребешок с двумя ломаными зубьями.

Мы хотели причесать Ушастика, но ничего не вышло, потому что шерстка была запутанная. Только ещё один зуб сломали у гребёнки,

Шурка предложил:

— Давайте-ка вымоем его.

Я думала, Ушастик испугается, будет сопротивляться. Но едва мы налили воду в большое мамино корыто, как он сам туда сразу прыгнул и стал с удовольствием плес-

каться, отфыркиваться, мотать головой, — всех обрызгал. Вот смеху-то было! Барахтается в корыте, загребает лапами, как вёслами, а хвостом, как рулём, управляет. И вылезать не хочет, даже огрызается.

А после мы с Зиной причесали Ушастика, высушили на солнышке, и шерсть у него сделалась мягкая, прямо шёлковая, и заблестела.

Нет, что бы там ни говорила мама, мы с Шуркой просто не могли с ним расстаться.

УШАСТИК очень любил Шурку, прямо ходил за ним по пятам. Бежит Шурка на Неву купаться, и Ушастик следом — бултых в воду. Поплаывает вдоволь, потом выскочит на берег, отряхнётся, положит голову на лапы и следит, как Шурка ныряет, — метёт хвостом по земле и повизгивает, будто боится за Шурку. Пойдёт Шурка в очередь за белым хлебом — и Ушастик туда же. Терпеливо сидит, поджав хвост, ждёт, засматривает Шурке в глаза: даст ли ему Шурка кусочек булки, когда получит?

Мама, бывало, спросит:

— Где доведки? Небось, опять дармоеду отдал?

А Шурка отвечает:

— Не-е... Даша съела.

А Ушастик стоит тут же и хвостом виляет как ни в чём не бывало и смотрит на Шурку преданными глазами.

Меня он тоже любил. Както соседский Ромка по привычке схватил меня за косу и

принялся гонять по двору. А Ушастик зарычал, оскалился и вдруг вцепился Ромке в штаны. Ромка испугался, заревел на весь двор.

Зина Ключкова удивилась:

— Смотри какой! Вступился за тебя. Не гляди, что маленький.

— Он вовсе уже не маленький, — сказал Шурка. — Разве не видите, как он вырос? Поглядите-ка хорошенько.

Я поглядела хорошенько и вдруг поняла, что Ушастик действительно вырос. Примерилась, а он мне почти уже до коленки, а если встанет на задние лапы — так и до пояса достанет.

К ОСЕНИ Ушастик уже не таял, а рывал басом, и, когда клал мне лапы на плечи, я едва удерживалась, чтобы не упасть, такой он сделался тяжёлый и сильный, и красивый при этом: грудь раздалась, шерсть удлинилась, голова квадратная, хвост гребённой, уши, как лопухи, и глаза большие. Я такой красивой собаки никогда прежде не встречала.

И никто не встречал. Соседи удивлялись, спрашивали маму: «Что за порода? Эка, вымахал! Чем вы его только кормите?»

А мама всё ещё сердилась, хотя и привыкла к собаке.

— Вот несчастье на мою голову! Не набраться же на него. Давно пора отдать кому-либо.

«Эх, скорее бы папа приехал, — думала я. — Уж он-то

бы заступился за Ушастика».

Мы с Шуркой очень боялись, что мама отдаст Ушастика. Ведь прокормить его становилось труднее и труднее. Ребята со всего двора несли Ушастiku всё, что только могли: кости из супа, варёную картофелину, лепёшку, рыбёшек с Невы. И все же не хватало ему еды. Он смотрел нам в рот, когда мы ели, и скулил, и ворчал басом.

А в воздухе уже кружились редкие снежинки и таяли в тёмной неводской воде, чайки над рекой жалобно кричали; нелегко им было высматривать в волнах маленькую рыбёшку. А нам-то и вовсе не удавалось больше вылавливать пескарей для Ушастика.

И вот однажды я расчесала его от ушей до хвоста, повязала ему вокруг шеи свою синюю ленту, а ещё взяла большое ведёрко, обмотала дужку тряпочкой, чтобы Ушастiku было не больно держать в зубах, и приказала:

— Неси, Ушастик. Пойдём.

И мы с Шуркой взяли его с собой в госпиталь, в нашу столовую.

Подошли к двери, тихо стали в сторонке. Вперёд не лезем, ждём, что скажет хромоу дядя Володя.

А он сказал:

— Ого, ого!.. — и крикнул в окошко повару: «Эй, Никифор, погляди, какого молодца привели ребята! С ленточкой и со своей тарой».

Повар Никифор подошёл к дверям и тоже удивился:

— Да это не пёс, а целый

телёнок! Хоть суп из него вари.

— Он сам хочет есть, дядя Никифор, — сказали мы с Шуркой. — Он голодный.

— Вижу, что хочет есть. А что он умеет?

Я очень волновалась. И Ушастик — тоже: его ноздри раздувались, ведь из дверей доносились всякие вкусные запахи, — вдруг он захочет облизнуться и уронит ведёрко?

— Служи, Ушастик! — приказала я.

Ушастик поднялся на задние лапы, а передние согнул потешно и застыл так. Только ноздрями шевелит, а ведёрко, молодец, не уронил, держит его в зубах, а сам смотрит на

повара. Понимает, умница, от кого ему ждать награды.

И дождался. Повар Никифор принёс большую миску костей. И пока он ходил за ними на кухню, Ушастик всё стоял столбиком, не выпускал из пасти ведёрко.

Дядя Володя сказал:

— Смотри-ка, стоит по стойке «смирно». Знает нашу солдатскую службу.

А повар сказал:

— Его бы в ученье надо, в хорошие руки. Молодой ещё. Приводите завтра, опять костей дам.

В ту зиму Шурка ходил в школу, уже во второй класс. А я ещё не ходила. Но мне не скучно было оставаться дома по утрам одной, как в прошлом году: теперь-то со мной был Ушастик. Мама ему разрешила всё-таки жить в коридоре: ведь он играл со мной и охранял. Ни один мальчишка не смел задирать меня, когда я выходила покататься на санках.

В санки я запрягала Ушастика. Он катал по пустырю меня и Зину Ключкову. И всех ребят катал по очереди, даже соседского Ромку, который прежде дёргал меня за косу.

Потом мы шли к школе встречать Шурку. Когда Шурка выходил из ворот, Ушастик прыгал на него, валил в сугроб и повизгивал от радости, а после брал в зубы Шуркину сумку, и мы втроём отправлялись в столовую. Повар Никифор и дядя Володя исправно выносили кости для Ушастика всю зиму.

СНОВА наступило лето. Снова можно было целые дни играть во дворе, бегать на речку, ловить пескарей, загораживать, плавать.

Правда, плавать я ещё не умела. Мы с Зиной и Ушастиком плескались у берега в тёплой воде возле мостков, рядом с будкой лесного склада, на этих мостках нам удобно было раздеваться. А после купанья грелись на песке. Ушастик положит голову на вытянутые лапы, сощурился и смотрит сонными глазами на реку, на

проходящие плоты... Может быть, он вспоминал свое щенячье детство, свою собаку-маму.

Шурка с соседским Ромкой и с другими мальчишками всё плавали на спор — кто дальше заплывёт. Шурка умел плавать сажёнками и очень фасонил: «У берега плескаться неинтересно, что мы, детсадовцы?»

Мальчишки хорохорились:

— Это же Нева! Это тебе не залив! Детсадовцев и близко к Неве не подпускают. Там на середине знаете какая холодная вода?

— А на середине Невы ты вовсе никогда и не был, Шурка, — сказал однажды Ромка. — Тебе до середины никогда не доплыть!

— Давай на спор! Пошли вон до тех плотов, они как раз посередине идут! — крикнул с азартом Шурка и прыгнул в воду.

Ромка с Шуркой, как и все мальчишки, — воображали, вечно хвастаются. Я немножко посмотрела, как они разбрызгивают воду своими сажёнками, как поднимают фонтанчики ногами. А потом мне надоело смотреть.

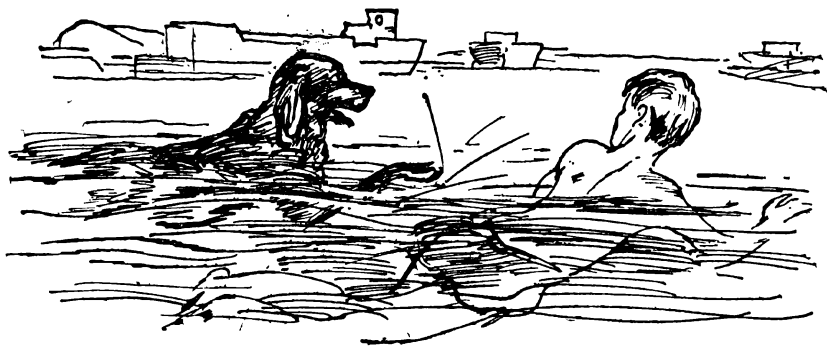
Я говорю:

— Давай, Зина, выкупаем Ушастика. Смотри, какой он. Весь в песке перевалился.

— Давай, — говорит Зина. — И расчешем потом.

— Иди сюда, Ушастик, — позвала я.

Ушастик почему-то не пошёл. Первый раз в жизни не послушал меня.

— Я кому сказала? Иди сюда сейчас же!

Но Ушастик опять не послушался. Он только встал на все четыре лапы, вытянул хвост назад, а голову вперёд и смотрит на реку.

Я тоже туда посмотрела и увидела, что Ромка плывёт к берегу. А Шурку сначала не увидела, потому что солнце слепило глаза и река вся блестя. А когда всмотрелась как следует, вижу: Шурка плывёт к плотам. А до плотов ещё далеко...

Я заорала:

— Шурка! Шурка-а... Плы-ви назад, противный!

А Ушастик сразу же залаял.

И тут ещё кто-то закричал:

— Эй, пацан! Давай, вертайся!

Это кричал сторож лесного склада. Наверное, услышал, как лает Ушастик. Сторож подбежал к самой воде, и руки сложил рупором.

— Эй, пацан! Немедля назад!

Ушастик лаял очень громко, заливисто. Он носился взад-вперёд, рыл лапами песок, бил хвостом и всё лаял, лаял... И вдруг сделал огромный

прыжок и исчез в реке... Нет, не исчез! Его голова сильными толчками двигалась вперёд, туда, к Шурке, прямо-таки разрезала воду. Вода бурлила вокруг Ушастика, а сзади оставался пенистый след.

На берег выбрался Ромка. Он трясся, стучал зубами, заикался:

— Я... Я говорю: плывём назад, холодно. А он плы... плывёт...

Я не слушала Ромку, потому что в это время Ушастик уже догнал Шурку. Вот перегнал его, повернулся и начал бить лапами по воде...

Мы с Зиной и с Ромкой закричали в один голос:

— Шурка-а! Шурка тонет!..

Откуда-то появился милиционер. Он на бегу сбросил гимнастёрку и принялся было стаскивать сапоги, но потом, заслонив рукой глаза от солнца, посмотрел на реку и сказал:

— Не кричите. Не тонет все ваш Шурка. Просто собака загоняет его к берегу, не даёт заплывать. Вот умница! А лай-то какой подняла — я с поста услышал.

Действительно, Ушастик гнал Шурку обратно; он всё колотил лапами по воде и даже лаял на Шурку, и даже толкал его к берегу. Так они плыли и приплыли, и оба благополучно вышли на берег. Шурка — сердитый, а Ушастик — довольный; он отряхнулся, обрызгал нас всех и начал прыгать вокруг Шурки, повалил его на песок и принялся лизать прямо в лицо.

А Шурка сердито отмахивался.

— Если б не ты, я бы обязательно доплыл до середины!

— Скорее всего, пошёл бы ты на дно, кормить окуней, — сказал ему милиционер и погладил Ушастика. — Откуда он у вас, ребята? Это же очень редкая порода — водолаз.

ВОТ и всё про Ушастика. Больше нечего рассказывать. Разве что рассказать ещё про маму? Нет, лучше про милиционера расскажу. Он на следующий день пришёл к нам с одним дяденькой — инспектором служебного собаководства.

Этот инспектор сказал:

— Отдайте нам, пожалуйста, вашу собаку. Мы её будем учить, а вам за то, что вы её

кормили и вырастили, хорошо заплатим.

А мама сказала:

— Ни за что! Он мне дороже денег. — И обняла Ушастика, и поцеловала его при всех прямо в нос.

— Ну, тогда позвольте взять его на учење, хоть только на летний сбор, — попросил инспектор. — А потом мы его вам вернём.

На это мама согласилась. А Ушастик не согласился. Он на следующий же день убежал с летнего сбора и вернулся к нам с обрывком ремня на шее.

И тогда инспектор опять пришёл. И порешили они самой, что Ушастика возьмут в служебное собаководство вместе с Шуркой.

На это Ушастик согласился. Он больше не убегал, и они с Шуркой прожили в служебном собаководстве всё лето. Мы ездили однажды с мамой к ним на Крестовский остров в гости. Мы увидели, что не только Ушастик, но и Шурка научился там всяким интересным вещам. Он так и заявил:

— Когда вырасту, обязательно стану дрессировщиком-инструктором служебного собаководства!

СПИСОК СОБРАНИЙ

ЭРДЕЛЬТЕРЬЕР

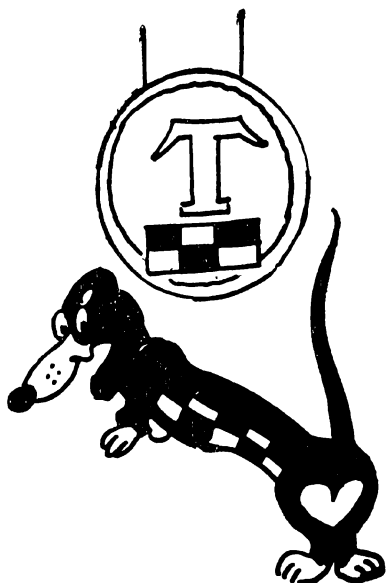
Эрдельтерьер —
 как имя-отчество,
как титул древнего высочества.
А он совсем простецкий пёс!
Он застеснялся бы от почестей,
в цигейку шкуры сунув нос.
А честь ему —

что честь хозяина
 Ни разу не была облаяна,
 что хвост прекрасен, как
 сарделька,
 что вежлив с ним соседский кот...
 А так зови его эрделькой,
 ведь он на титулы плюёт!

TAKCA

Ни клыков, ни шкуры прочной.
Лапы кривы, низкий ход,
вид какой-то худосочный,
а размером — взрослый кот.
От подобных слов заплакать
также хочется порой.
Это ж славная собака!
Даже, может быть, герой!
Над асфальтом еле-еле
брюхо таксы на весу.
А ведь также на панели,
как такси в глухом лесу.
Для чего ей этот город,
грохот, копать и народ?
Ну, а кто в барсучьих норах
проливает кровь и пот?
Для того и рост ей малый,
для того к земле близка,
чтоб свободно проникала
такса в крепость барсука.
А навстречу свет колючий,
два зрачка: хозяин сам.
...Тот, кто знает нрав барсучий,
тот оценит храбрость пса.

КОЛЛИ

И в какой хорошей школе
воспитали эту колли?
Где прошла она предметы:
«Вежливость; ее приметы».
«Поведение в трамвае».
«Ожидание хозяев».
«Переход по светофорам».
«Отношение к раздорам».
(Из-за всяких пустяков
не вытаскивай клыков,
а взводи их моментально
против сильных и нахальных.)
«Верность», «Честность и
бесстрашие».
Ей два года? А не старше?
Что за умная порода —
столько знаний за два года!

ОВЧАРКА

Почему грустит шпион,
собираясь за кордон?
Почему в замках уныло
ковыряется громила?
Почему с тоской глядит
на следы свои бандит?
Потому, что им подарки
приготовили овчарки.
Диверсант не шевельнётся,
над собой увидев пасть,

взломщик в ужасе метнётся,
не успев добра украсть.
Закричит бандит: «Я тут!
Пусть собаку уберут!»
На любого негодяя
сталь клыков припасена.
И овчарки понимают —
это трудная война.
...Шпионаж сведут под корень.
Воровству придёт конец.
И овчарки на просторе
будут гнать гурты овец.
Лаять, прыгать и резвиться
на ковре зелёном трав.
Тут уж каждый убедится,
что у них весёлый нрав.

БУЛЬДОГ

Степенно шествует бульдог,
брезгливо губы свисли.
Он не натянет поводок,
не зарычит — он мыслит.
Толпа замри! Проходит ум,
пресыщенный, уставший.
Как будто сам философ Юм,
на четвереньки вставший.

ПУДЕЛЬ

Не спеша идёт старушка.
Рядом с ней шагают стружки.
Да, охапка чёрных стружек.
Только это лишь снаружи.
Вот вам хвост,
а вот макушка.
А попробуй — тронь старушку.
Вот тогда узнают люди,
что внутри собака-
пудель.

ДВОРНЯГИ

Когда говорят — «дворняга» —
думают: «Беспородная!
Беспаспортная бродяга,
собака простонародная!»
На выставку, где медали,
Им никакого хода.
Если б одной хоть дали —
взвыли б собаководы.
Вроде собачьей дворни
на фоне дворянства собачьего.
А это ж неправильно в корне —
Происхождение выпячивать!
Уж разобраться коли,
тут найдём без труда мы,
вежливых, словно колли,
как бульдоги упрямых,
умных, как сенбернары,
храбрых, как волкодавы,
верных — хоть на заставы,
лстивых — болонкам пара.
...Список знатности длинный,
медали...
Решайте сами.
А предки их были едины,
когда порывали с волками.

✱

ТО И ДЕЛО в редакции «Ленинских искр» раздаются телефонные звонки:

— Помогите провести смотр отрядных стенгазет. Пришлите Алексея Ивановича.

Это те, кому уже знакома книга А. И. Цветова «Юный редактор стенной газеты». Впервые она вышла в 1954 году и переиздавалась уже два раза.

В книжном шкафу Алексея Ивановича шеренга собственных книг — «Наш двор», «В гостях у октябрят», «Моё и наше», «Солнце спрятано в каждом».

Заведующему отделом литературы и искусства газеты «Ленинские искры» А. И. Цветову исполняется 50 лет. Но по-прежнему его самые лучшие друзья — мальчишки и девочки. С ними он встречается каждый день, о них пишет рассказы.

✱

А. Цветов

Рисунки В. Бобровницкого

ПОСЛЕДНИЙ РАУНД

Если вы никогда не спорили с Вовкой Апрелевым, ваше счастье. Последнее время на спорах он просто помещался. Чуть что — сразу спорить. Хочешь не хочешь — в спор втянет. Недавно увидел Мишку Кулашкина, говорит:

— Давай попрыгаем на одной ноге. Попробуем, кто дольше.

Мишка отмахнулся:

— Я что тебе, — говорит, — глупенький, что ли?

— Ты? Ты — неумелый, — говорит Вовка.

— Я? Неумелый? — обозлился Мишка. — Да я тебя в два счёта обскакаю,

. А Вовке только этого и надо:

— Спорим?

— Спорим!

Начали прыгать: Вовка на левой ноге и Мишка на левой. Вовке сдаваться не хочется, да и Мишке уступать не резон. У Мишки уже в глазах потемнело, а Вовка прыгает:

— Сто один, сто два, сто три, сто четыре... — У обоих дыхание перехватило. А всё прыгают, прыгают. Потом оба разом покачнулись и свалились, обессиленные.

На другой день идут из школы, а Вовка снова заводит разговор:

— Считай, что у нас ничья. Давай снова.

— Что? Прыгать? — испугался Мишка.

— Нет, зачем? Это мы вчера выяснили. Давай, — говорит, — померимся силами — кто скорее на согнутых ногах до дому добежит?

Мишка подумал, отказался.

А через час Вовка сам появился к Мишке.

Грохнулся на стул, кричит:

— Пить, воды, умираю!

Мишка подал стакан. Вовка попросил ещё. Потом выпил третий, четвёртый, пятый и ещё полстакана.

— Ну, как? — спрашивает.

— А никак. Ты вот и половинки не допил.

— Половинка это чепуха, — говорит Вовка. — А тебе и столько не выпить.

— Мне? — возмутился Мишка. — Захочу — хоть семь выпью!

Вовка потрогал свой живот, прикинул, что больше его выпить невозможно, уверенно предложил:

— Спорим!

— Мне что! — с достоинством сказал Мишка.

На подносе появились налитые до краёв семь стаканов.

— Раз, два, три... — командовал Мишка и один за другим выпил шесть штук.

От изумления Вовка вытаращил глаза.

— Раз, два, три, — снова сосчитал Мишка, поднял перед собой седьмой стакан и размеренно, не торопясь, начал пить.

— Семь! — крикнул он.

Руки и ноги его разом укололи тысячи невидимых иголок. По всему телу побежали мурашки.

— Ну, как?

— Н-ничего. Х-хорошо. Только в-вода х-холодновата, — признался Мишка.

— Молодец! — похвалил Вовка. — А вот десять бы ты уже не смог.

— Я? — теперь Мишка чувствовал своё превосходство. — Да я... я хоть ещё столько!

— Десять! — подтвердил Вовка.

Он достал африканскую марку, которой не было у Мишки, и великодушно выложил на стол.

— Н-наливай! — сказал Мишка.

Вовка был уверен: на восьмом стакане Мишка поднимает руки, и тогда...

Но Мишка бодрился. Он подошёл к зеркалу, для устойчивости раздвинул ноги и начал пить.

— Восьмой!

Лицо его покрылось красными пятнами.

— Девятый!

Лицо его побледнело.

Когда он потянулся за десятым стаканом, Вовка в ужасе закрыл глаза. Ему представилась больница... в белых халатах врачи... и на операционном столе весь в белом — Мишка.

— Стой! — закричал он, — хватит! Больше не пей!

Мишка оторвал от губ стакан, соорудил какую-то гри-

масу и, пересиливая себя, вылил остаток воды в рот.

— Де-ся-тый! — он поднял перед собой стакан, но радоваться своей победе уже не мог.

— Бр-р-р-р... — задрожал он, губы его посинели, и он как подкошенный повалился в кресло.

«Плохо! — догадался Вовка. — Надо помочь! Но как?»

В испуге он бросился на кухню и через минуту участливо склонился над Мишкой:

— На, выпей!

Мишка приподнял голову, пошлёпал нижней губой в поисках исцеляющего лекарства, заметил в руках Вовки стакан... одиннадцатый! И тут же потерял сознание.

Это был, как говорят боксёры, последний раунд.

Наступил нокаут.

Каждый день в кармане у Димки какая-нибудь диковинка.

По утрам он придвигается к соседу по парте и тайно шепчет:

— Зажмурься!

— Вот ещё! — говорит Серёжка. — Зачем?

— А у меня что-то есть!

— Ну и пусть есть...

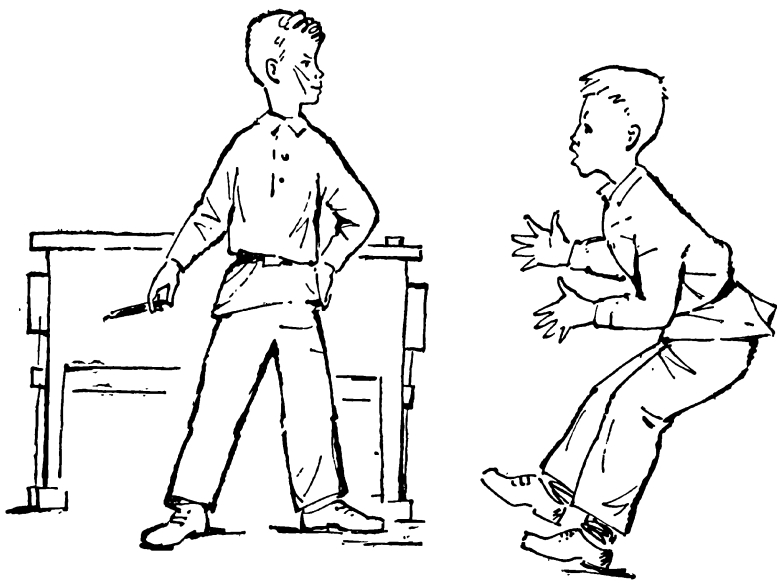
— А у меня вот!

Димка разжимает пальцы, и тут Серёжка жмурится: у Димки в руке — чудо-карандаш: красный, блестящий, и кончик бронзовый.

— Ш-шариковый! — объявляет Димка и для важности прищёлкивает языком.

Серёжке очень нравится карандаш. Но он не показывает виду.

— Поду-у-маешь! Удивил!

Захочу, и мне папа такой купит!

— Тебе покупать надо, а у меня уже есть! — говорит Димка и в доказательство на синей обложке тетради по арифметике проводит жирную красную черту.

— А у меня, может, карандаш тоже не хуже твоего... — не уступает Серёжка.

— У тебя-а-а?

— У меня-а-а!

— А ты покажи, покажи!

Серёжка роется в пенале, достаёт карандаш, обыкновенный, химический, и рядом с Димкиной чертой проводит свою.

— Ой, ой! — охает Димка, — тоже мне карандаш!

Он хватается с парты резинку и тут же без труда стирает Серёжкину черту.

— Так-то что! Так-то я могу и твою.

Серёжка пододвигает к себе тетрадь и изо всех сил начинает тереть.

Димка приник к парте. Уставился на черту: «А вдруг сотрёт?»

Из-под резинки, как стружки из-под рубанка, летят синие скатки.

Серёжка пыхтит, смахивает пот со лба. И снова трёт.

Красная черта лишь чуть-чуть тускнеет, но не стирается.

— Ну, что, стёр? Стёр? — торжествует Димка.

Серёжка молчит, молчит и трёт.

Когда на обложке блеснула дыра, он схватил свой карандаш, сунул кончик в рот и с нажимом через всю обложку чиркнул ещё раз. Рядом с Димкиной красной чертой легла его — жирная фиолетовая линия.

Серёжка прищурился, хитро покосился на Димку и высунул язык.

— Хе, фиолетовый! — заорал Димка. — Язык-то у те-

бя фиолетовый! А у меня не фиолетовый. У меня вот...

Он тоже высунул язык.

— А у тебя белый! — сказал Серёжка.

— И пусть! — сказал Димка. — Белый, а не фиолетовый.

— А белый хуже. Белый — больной.

— А зато... зато... — засуетился Димка, — зато мой карандаш не надо ни слюнить, ни точить.

— А я тоже могу не слюнить! Не веришь, вот...

Серёжка выставил перед Димкой ладошку и одну за другой провёл три черты.

На тёплой влажной ладони протянулись три яркие фиолетовые дорожки:

— Видал!

— А я... А я... — от досады Димка не находил слов. — А зато я могу чиркать где хочу. Захочу на парте, захочу на стене...

— А тебе влетит!

— А я на окне!

— А за это вызовут родителей!

— А я всё равно могу где хочу. Всё равно!

Димка растерянно покрутил в воздухе карандашом, поискал место, где чиркнуть, и, к удивлению Серёжки, ни с того ни с сего, начал чиркать себя по лицу:

— Во! Во!

Теперь Димка был похож на охотника-индейца.

— Ну, что, что? — расхвастался он. — А тебе так не суметь. У тебя так не выйдет!

— А мне это вовсе и не надо! — сказал Серёжка. — Я что тебе, дикарь, что ли?

Димка озадаченно шлёпнулся на место:

— Ну и говори, говори, что хочешь. Зато я могу разобрать свой карандаш. А в твоём даже шарика нет!

Серёжка не успел оглянуться, как Димка ковырнул ножом кончик карандаша.

Шарик упал на тетрадь, скатился на парту и с парты юркнул между половицами в щель.

— У-у-х, ты!.. — обозлился Димка.

Он заслонил локтём тетрадь, несколько раз провёл карандашом по обложке и растерянно заморгал.

Карандаш не писал.

Димка заглянул в гнездышко, где был шарик. Пусто.

Серёжка заглянул тоже.

— А что же теперь? — шёпотом спросил Димка.

— Эх, ты! — вздохнул Серёжка. — Такой карандаш загубил.

Рис. И. Латинского

(Научно-фантастическая
повесть)

ЭТО была короткая заметка в утренней газете: десяток строк петитом в самом низу восьмой полрсы. Мелькнуло знакомое слово — Муаи.

Интересно... Когда-то мне довелось побывать там. Муаи — атолл в экваториальной области Тихого океана. Странно... Заметка озаглавлена: «Существовал ли атолл Муаи?»

Я пожал плечами... Опять какая-нибудь газетная утка! Эти журналисты считают читателей дураками. Лет десять назад мы собирались разбудить коралловую постройку

Муаи. Глава фирмы предполагал, что риф Муаи покоится на подводном кимберлитовом вулкане. После открытия профессора Гомби все бредили кимберлитовыми вулканами. Рассказывали, что в лавах этих вулканов алмазов больше, чем дырок в голландском сыре.

Мы просидели на Муаи несколько месяцев и уехали ни с чем.

Академики до сих пор спорят, есть ли на дне Тихого океана кимберлитовые вулканы. Пусть спорят. Я-то знаю, что цоколь Муаи сложен обычным оливиновым базальтом. Что же касается других подводных вулканов... Единственным свидетельством служат слова профессора Гомби. Думаю, у него не было оснований обманывать меня...

Однако что за блажь пришла в голову автору заметки? «Существовал ли атолл Муаи?» Выдумают тоже... Я нацепил очки, отхлебнул кофе и пробежал глазами скупые строки...

Так вот оно что!.. Автор за-

метки имеет основания сомневаться... Значит, тот неудачный эксперимент с водородной ракетой, отклонившейся от курса, не был так безобиден, как хором утверждали журналисты месяц назад. Чёрт побери!..

Я хорошо помню зелёные султаны пальм над низменным кольцом острова, голубую лагуну, окаймлённую жёлто-белыми пляжами, пенистые буруны рифов на внешней стороне атолла. И посёлок, притаившийся в полупрозрачной тени пальмовой рощи.

В центральном домике с верандой была резиденция «Справедливейшего из справедливейших, мудрейшего из мудрых, вышедшего из синих волн Великого моря» — так, кажется, его называли подданные...

У входа на веранду постоянно дежурили двое стражей из «гвардии». Они стояли, широко расставив коричневые босые ноги. Из жёлтых кобур выглядывали чёрные рукоятки автоматических «вальтеров». Караульные были молчаливы и надменны. Мне не приходилось наблюдать, как они сменяются. Я вообще не видел «гвардию» Муаи в количестве большем, чем эта бравая пара. Зато я хорошо знал многих обитателей единственного посёлка. Это были весёлые, общительные парни, всегда готовые помочь. Кто-то уверял меня, что почётный караул у резиденции Справедливейшего из справедливых, мудрейшего из мудрых несли по очереди

все жители Муаи мужского пола старше четырнадцати лет. Если это правда, значит при смене караула они передавали друг другу не только широкие пояса и «вальтеры», но и свою великолепную надменность, которой каждому хватало только на время почётного дежурства. Впрочем, они были изрядными хитрецами, эти обитатели Муаи...

А сам Справедливейший из справедливых... Я имел честь дважды присутствовать у него на аудиенции. Вторая продолжалась несколько часов. Ему удалось убедить меня... Я демонтировал буровую установку и покинул Муаи с первой оказией. Правда, оказии пришлось дожидаться... И ещё я обещал ему молчать...

Но теперь молчать не стану... Если автор заметки в утренней газете прав, и огненный гриб водородного взрыва действительно уничтожил маленький, затерянный в океане островок, пусть все узнают о жертвах «неудачного испытания» водородной смерти. Никто не смеет утверждать, что Муаи — необитаемая скала, никто не имеет права сомневаться в существовании острова до водородного взрыва. Подлые лжецы!.. Ведь я-то знаю, как было дело...

В ТЕ годы я вёл дневник. Он сохранился... Листаю пожелтевшие страницы. Вот несколько записей, относящихся к первым неделям пребывания на Муаи.

«21 декабря.

Вчера закончили выгрузку бурового оборудования и горючего. Наш «Арли» прогудел трижды, развернулся и, оставляя бурые пятна нефти на голубовато-зелёной воде лагуны, неторопливо выбрался за полосу бурунов...»

Да-да, всё это началось именно так... «Арли» направился на север к Гаваям, а мы вчетвером остались на белом горячем песке пляжа. Позади громоздилась гора железа, ящиков, бочек. Впереди искрился и блестел под тропическим солнцем океан.

Невдалеке на плоском песчаном берегу росли пальмы. Их бурые узловатые корни были похожи на клубки исполнинских гусениц. Из-под пальм, оседлав причудливо закрученные сплетения корней, за нами с любопытством следили курчавые, коричневые, как шоколадки, мальчишки. Домики посёлка чуть проглядывали вдали за высокими мохнатыми стволами.

Питер первым нарушил молчание:

— Пошли, — сказал он и мотнул головой в сторону деревни.

Питер Гутман — мой заместитель. Он мастер глубокого бурения. Ему нет и тридцати, а на его счету сотни тысяч метров скважин, пробурённых на всех шести континентах.

— Шесть месяцев... Сто семьдесят четыре дня...

Кажется, он нытик, этот Джо Перкинс. Уже считает дни до возвращения. Впрочем,

он превосходный моторист, шофёр и запросто поднимает на плечи ящик в сто пятьдесят килограммов.

— Месяца через два должен быть почтовый пароход...

Это сказал Тоби, долговзый молчаливый Тоби Уолл, которого Питер зовет штангой. Видно, Тоби хочется утешить Джо, а может и самого себя.

— Выше головы, мальчишки, — советую я. — Не бойтесь, скучать не придётся. За полгода надо продырявить остров насквозь. Четверо на такую скважину — это немного...

— Ещё бы, — ворчит Питер. — Здесь и восьми парням из Штатов хватило бы дела. Ваше начальство хочет сэкономить, шеф.

— Найдём туземцев, — оправдываюсь я.

— И возможно скорее. С этим, — Питер кивает на ящики, — мы не управимся.

— Надо сначала получить разрешение от здешней власти.

— Кто она? — деловито осведомляется Питер.

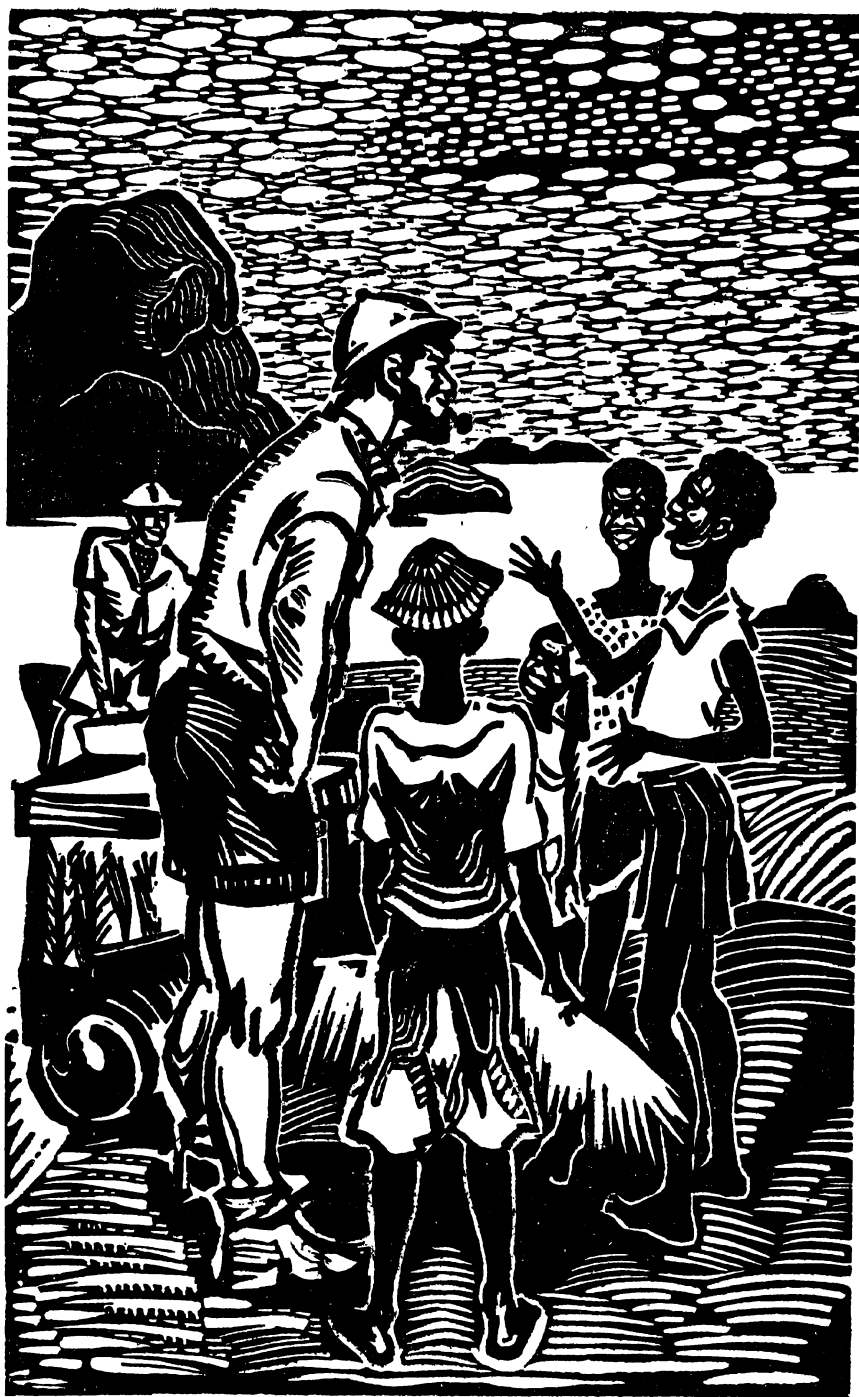
— Вождь Муаи? Его зовут Справедливейший из справедливых, мудрейший из мудрых, вышедший из синих волн Великого моря.

— Когда?

— Что когда?

— Когда он вышел отсюда? — Питер презрительно сплёвывает вслед откатывающейся волне,

— Британский резидент на Такуоба говорил, что Справедливейший правит здесь не менее десяти лет. Кажется, никто из европейцев его не видел

и никто толком не знает, откуда он и когда появился на острове. Корабли заплывают сюда редко. Здесь до сих пор нет ни врача, ни колониальных чиновников. А миссионера, присланного с островов Фиджи, Справедливейший отправил обратно.

— Они язычники? — удивляется Джо. — А может они и людоеды, — добавляет он, встревоженно глядя на нас.

— Только по большим праздникам, — успокаивает Питер.

Он шурится и призывно машет рукой.

Шоколадные мальчишки точно ждали сигнала. Они мгновенно окружают нас.

— Тебя как звать? — строго спрашивает Питер самого старшего.

Питер свободно владеет тем удивительным языком, на котором разговаривает большинство жителей островного мира в экваториальной части Тихого океана. Это «эсперанто» южных морей — единственный способ договориться с обитателями сотен островов, где в ходу не менее пятисот местных наречий. Англичане называют этот невообразимый жаргон «пинджин инглиш» — «английский пингвиний». Но это не просто исковерканный язык потомков Шекспира. Конечно, в нём немало слов, похожих на английские, но ещё больше немецких, малайских, французских, наконец, местных словечек и выражений, почерпнутых из пятисот островных наречий

Полинезии, Меланезии и Микронезии.

Малец, которому задан вопрос, отвечает не сразу. Он критически разглядывает нас по очереди и наконец, прищурившись, говорит:

— Лопапа Намабу Ку Мар.

— Это длинно, — морщится Питер. — Будем называть тебя просто Комар. Согласен?

Мальчишка сосредоточенно скребёт курчавую голову и недоверчиво смотрит на Питера.

— Ку Мар, Ку Мар, — восторженно кричат остальные и наперебой что-то объясняют нам.

— Понятно, — объявляет Питер. — А теперь рассказывайте, как нам увидеть вашего вождя.

Мгновенно становится тихо. Парнишки смущённо глядят друг на друга, потом на нас, потом опять друг на друга. Молчание прерывает Ку Мар.

— Как тебя зовут? — спрашивает он по-английски.

— Ну, Питер...

— Ты наиглавный?

— Нет... — Питер явно обескуражен. — Вот начальник... Он — самый главный. — Питер кивает в мою сторону.

— Зачем тебе вождь? — деловито осведомляется у меня Ку Мар.

— Надо поговорить о разных делах, — возможно серьезнее объясняю я.

— О, — говорит Ку Мар. — О-о, — повторяет он, презрительно надувая толстые губы. — Нельзя...

— Что нельзя?

— Нельзя видеть вождя

Муаи. Совсем нельзя разговаривай вождь Муаи. Он не разговаривай белый человек. Никакой белый человек... Совсем, совсем, совсем...

— Почему? — недоумеваю я.

— Такой закон Муаи.

— Гм... — это сказал Питер.

— Такой закон, — серьёзно повторяет Ку Мар.

— Слушай, парень, — шепчет Питер, страшно вытаращив глаза. — Знаешь, зачем мы приехали?

Ку Мар поспешно пятится и отрицательно трясёт головой.

— Видишь эти железные трубы, — Питер указывает на лежащие возле ящиков буровые штанги. — Мы сделаем дырку в вашем острове. Понимаешь, насквозь.

Ку Мар что-то быстро говорит своим товарищам. Парнишки прыскают со смеха, приседают и бьют себя ладонями по коричневым коленям.

— Мой старый бабка, — очень серьёзно говорит Ку Мар, — когда я был совсем, совсем маленький, рассказывал старый-старый сказка. Один большой обезьян рассердился и хотел выпить целый море. Пил, пил, лопнул вот тут, — Ку Мар трет себя ладонью по животу, — упал в море, его рыбы съели. Интересный сказка, что?

Мы ехидно ухмыляемся, но Питер не обижается.

— А ты, оказывается, хитрец, — говорит он Ку Мару, похлопывая его по плечу. — Ну как? Пошли к вождю?

— Нельзя, — решительно

возражает Ку Мар. — Я правда говорил. Совсем нельзя... Совсем, совсем, совсем...

«4 января.

...Прошло две недели, как мы высадились на остров, а дело не продвинулось ни на шаг. Оказывается, Ку Мар не обманывал... Добиться аудиенции у местной власти оказалось потруднее, чем получить благословение папы римского. Этот Справедливейший не вылезает из своего коттеджа. А попасть в коттедж, не затеяв драки со стражами, невозможно. И самое странное — местные жители категорически отказываются быть посредниками между нами и вождём. Ни уговоры, ни подарки не помогают...»

Помню, как обитатели Муаи трясли курчавыми головами и повторяли одну и ту же фразу:

— Нельзя! Совсем нельзя...

Стоило кому-нибудь из нас приблизиться к резиденции Справедливейшего, как молчаливые и надменные стражи в трусах и шитых золотом камзолах недвусмысленно начинали расстёгивать кобуры «вальтеров».

При всём этом вначале мы не имели ни малейшего повода жаловаться на обитателей острова. Они были дружелюбны, общительны, зазывали в гости, угощали островными яствами и пивом, танцевали в нашу честь. Однако невидимый занавес опускался каждый раз, как только я начинал говорить о встрече с вождём

или просил помочь при переноске бурового оборудования. Островитяне охотно помогли разбить палатки, натаскали камней для очага, перенесли к лагерю ящики с продуктами. Но сколько мы ни уговаривали, ни один муаец не хотел прикоснуться к оборудованию и буровым трубам.

Чертыхаясь, мы принялись таскать на собственных плечах тяжёлые ящики, штанги и звенья буровой вышки. Это была адская работа, если принять во внимание влажную жару, рыхлый песок под ногами и расстояние в три четверти мили, отделявшее место выгрузки от площадки возле лагеря, на которой мы собирали буровую. За неделю мы не перетаскали и десятой части всего того, что у нас было. Мои ребята приуныли.

— Нет, так дальше не пойдёт, шеф, — заявил однажды утром Питер, сбрасывая в горячий песок длинную буровую штангу, которую притащил на плечах как коромысло.

Следом за Питером приплёлся Джо, сгибаясь под тяжестью ящика с инструментами. Осторожно опустив ящик на песок, Джо присел на корточки и молча закурил.

Питер, насупившись, глядел в пустой океан. Джо склонил голову набок и, шевеля губами, принялся читать надпись на ящике. Потом вопросительно глянул на меня, перевёл глаза на Питера.

Рассеянный взгляд моего помощника продолжал блуждать где-то среди искристого

простора тяжёлых голубоватосерых валов.

Джо тихонько кашлянул.

— Слышь, Питер, а Питер, сколько мы взяли комплектов вот этого? — он похлопал рукой по ящику, который только что принёс.

Питер глянул через плечо.

— Дурацкий вопрос... Сколько! Ясно — один!..

— Нет, ты припомни точно, Питер, — мягко настаивал Джо. — Сколько?

— Чего привязался, — вспыхнул Питер. — Это ящик с запасными шестернями... Конечно, он был один.

— А вот и не один, — возразил Джо. — Я уже третий ящик такой сюда притаскиваю. Ташу и, понимаешь, думаю, зачем нам столько запасных шестерёнок...

— Это у него от жары, шеф, — мрачно пояснил Питер и отвернулся.

— Ничего не от жары, — обидёлся Джо. — Правду говорю... Ей-богу, третий...

— Не может быть, Джо, — сказал я. — Ящик с запасными шестернями у нас был один. Вы что-то спутали.

— А вот и не спутал, шеф, — возразил, удивлённо помаргивая, Джо. — Извините меня, но, право, я не спутал. Хотите покажу?

— Ну, покажи, покажи, — сплёвывая сквозь зубы, процедил Питер.

Джо молча поднялся и стал разглядывать площадку, на которой лежало переташенное оборудование. Потом принялся шарить среди ящиков.

— Ну, как? — поинтересовался через несколько минут Питер.

Джо смущённо кашлянул и закусив губы отправился к месту выгрузки.

— Так дальше не пойдёт, — повторил Питер, поднимаясь. — У ребят винтик на винтик заскакивает. Чего-то надо предпринимать, шеф.

Вечером мы устроили совет. Питер первым взял слово и предложил прорваться силой в резиденцию вождя и потребовать встречи со Справедливейшим.

Джо насторожился:

— А если стрелять будут?

— Сначала они в воздух, — успокоил Питер.

— Кто их знает, — продолжал сомневаться Джо. — И всё-таки, как ни считай, нас тут четверо, а их — четыре десятка одних мужчин наберётся... И гости мы вроде...

— Вот это самое главное, — сказал я. — Мы здесь гости... Хоть и незваные, а гости. Поэтому будем вести себя прилично. Начать войну не штука... Попробуем достигнуть цели мирными средствами. Завтра пойду ещё раз в деревню, постараюсь добиться свидания с кем-нибудь из приближённых Справедливейшего. Ведь должны же быть у него приближённые? Возьму подарки. Буду уговаривать...

— И если не вернётесь к обеду, мы придём вас выручать, шеф, — объявил Питер.

На том мы и порешили.

«6 января.

Очередной поход в деревню оказался безрезультатным. Я не встретил никого, с кем можно было бы поговорить. Деревня словно вымерла. В лёгких хижинах было тихо. Не видно ни женщин, ни детворы. Только стражи топтались на солнцепёке у входа в резиденцию. С ними разговаривать было бесполезно...»

Хорошо помню тот день... Я бродил по опустевшей деревне. Заглядывал в хижины. Всюду было пусто. Лишь в крайней хижине на цветной циновке лежала седая старуха в короткой полосатой юбке и с увлечением... читала книгу.

Я поздоровался и вежливо спросил, куда девались обитатели деревни.

— Уехали ловить рыбу, — отрезала старуха и продолжала читать.

— А Справедливейший?

Не удостоивая меня взглядом, старуха пожала плечами.

Я подождал немного. Старуха продолжала читать. Пришлось уйти ни с чем.

Вернувшись в лагерь, я застал своих ребят в крайнем возбуждении.

— И всё-таки я был прав, я был прав, — твердил Джо, красный, как божья коровка.

— Полюбуйтесь на него, — возмущённо кричал Питер. — Он прав! Эти обезьяны потешаются, разыгрывают нас, как последних ослов, а он радуется, что был прав. Заметил, надо было сразу сказать...

— А вы не хотели меня слушать, — оправдывался Джо.

— В чём дело, мальчики? — поинтересовался я.

— Видите ли, шеф, — начал Джо, — вчера, когда мы говорили насчёт этого, вот этого, — Джо указал на ящик с запасными шестернями, — я подумал, что с этим ящиком что-то нечисто, но уверенности у меня не было, и потому я не настаивал, а вот сегодня, — Джо тяжело вздохнул, — сегодня я...

— Сегодня он в четвёртый раз припёр ящик с шестернями с причала в лагерь, — сказал Тоби, не разжимая зубов, в которых торчала трубка.

— Зачем? — спросил я.

— Так он был там, у причала, — объяснил Джо. — По-

нимаете, шеф, не здесь, где я его вчера оставил, а там... Опять там... Я думал, четвёртый. Приношу, а он тут один...

— Короче говоря, — прервал Питер, — у этого ящика и множества вещей ещё по ночам вырастали ноги. Мы днём таскали всё это барахло сюда, а ночью оно возвращалось обратно к причалу. Мы по ночам храпели, как святые, а днём удивлялись, что так чертовски медленно идёт транспортировка.

— Возможно ли? — всё ещё не веря, начал я. — Неужели они?..

— А кто же ещё? — зло бросил Питер. — Не мы же станем этим заниматься. Ну

ладно, сегодня я выслежу ночных чародеев. Ручаюсь, шеф, после этой ночи ни у одной из здешних обезьян не останется охоты для таких штук...

Мы до вечера таскали оборудование с причала в лагерь. Перед заходом солнца пометили суриком всё, что уже находилось на площадке, выбранной под буровую. Я составил список, показал его Питеру.

— Да, — сказал мой помощник. — Если бы сразу заметили, можно было уже собирать вышку... Интересно, зачем им это понадобилось?

«Зачем им это понадобилось?» Я с обеда ломал себе голову над этой загадкой. Почему они не хотят, чтобы мы просверлили дырку в их острове? Ведь они совсем не выглядят суеверными — эти обитатели Муай.

Ночью мы решили дежурить по очереди. Дежурные сменялись аккуратно каждые два часа. Ночь прошла спокойно. Никто из часовых не уснул, никто не заметил ничего подозрительного. Тем не менее, когда рассвело, мы недосчитались трёх тяжёлых ящиков и четырёх буровых штанг. Разумеется, всё это снова оказалось у причала, в куче оборудования, приготовленной для переноски.

— Признавайтесь, кто из вас спал, — допытывался Питер у Джо и Тоби.

Те клялись, что во время дежурства не сомкнули глаз.

— Но и мы с вами не могли проспать, шеф, не так ли?

Я согласился, что не могли.

И всё-таки у нас из-под носа уволокли целый штабель железа. И ни одна штанга не звякнула, ни один ящик не скрипнул.

Днём я снова наведалься в деревню и опять без результатов. Не видел даже вчерашней старухи. Только охрана была на месте у коттеджа Справедливейшего. Я попытался приблизиться, но, остановленный предупредительным окриком и совершенно недвусмысленными жестами, вынужден был повернуть обратно.

Вечером, сидя за ужином, мы рассуждали, каким путем возвращается к причалу наше оборудование.

— Может, они перевозят его на пирогах вдоль берега лагуны? — предположил Джо.

Питер покачал головой:

— Нет, таскают на плечах, как и мы.

— А следы?.. Почему не остаётся следов?

— Просто мы не обращали внимания. Сами тоже ходим босиком.

— Сегодня им не удастся, — подмигнул Джо. — У нас сигнализация.

— Мы привязали к ящикам капроновые лески, — пояснил Питер. — Трубы и штанги обвязаны верёвками. Всюду в промежутках натянули нитки и повесили пустые жестянки. В случае чего такой звон поднимется...

— Можно даже не караулить, — мечтательно протянул Джо. — Всё равно услышим и проснемся...

— Но-но, — предупредил

Питер. — Ты, наверно, и вчера тоже...

Невдалеке послышался шорох. Мы повскакали с ящиков, заменявших стулья, и Питер, как тигр, устремился в темноту.

Джо хотел последовать его примеру, но ещё озираясь в поисках какого-нибудь оружия, когда Питер уже возвратился. С торжествующим криком он тащил за собой маленькую упирающуюся фигурку.

Когда луч фонаря упал на лицо пленника, мы все ошеломлённо охнули. Это был Ку Мар.

— Ах ты, чертёнок, — удивлённо протянул Питер. — Ты что делал там в темноте?

Ку Мар сердито вырвал руку из широкой ладони Питера, оправил рубашку и присел на край ящика.

— Зачем хватаешь, — сказал он, не глядя на нас. — Я в гости шёл. Вот рыба вам принёс...

И он положил передо мной большую связку рыбы, блестящую влажной чешуёй.

Мы смущённо молчали. Питер глядел исподлобья на Ку Мара и сердито сопел.

— Ну, здравствуй, — продолжал Ку Мар как ни в чём не бывало. — Я вас давно не видел. Три дня мы все море ездил, рыба ловил. Много рыба. Хороший. Сегодня вечер приехал...

— Здравствуй, Ку Мар, — сказал я. — За рыбу спасибо. А Питера извини. Он испугался. Ему показалось, кто-то ящик взять хочет.

— Кому нужен такой твой ящик, — презрительно надул губы Ку Мар. — Никому не нужен такой твой ящик. Муаи нет вор. Муаи все человек честный. Самый честный на целый океан. Как здесь работал? Хорошо работал?..

В тоне, каким был задан последний вопрос, мне почудился оттенок иронии. Я внимательно глянул на мальчишку, но глаза Ку Мара были устремлены в открытую банку с шоколадом. Мы угостили парня шоколадом и чаем.

Ку Мар не торопился уходить. Он выпил большую кружку чаю, попросил налить ещё. Рассказывал, как обитатели посёлка ловили рыбу в открытом океане.

— Хорошо было, интересно. Все муаи пошли океан. Дома никто не остался.

— Неужели все уезжали? — усомнился я.

— Все... Деревня один-два старый человек оставался... Больше никто.

— А Справедливейший?

Ку Мар замотал курчавой головой.

— Я не знает.

— Так был он на рыбной ловле, или не был?

— Я не знает...

Когда чай был выпит и банка с шоколадом опустела, Ку Мар пожелал нам спокойной ночи и отправился домой. Маленькая фигурка сразу растаяла в непроглядной тьме, но мы ещё долго слышали его гортанный петушинный говорок. Удаляясь, Ку Мар распевал во всё горло. Он пел о маленьком

острове, большом море и глупом старом обезьяне, который не знал, чего хотел...

Утром Джо оглядел лагерь.

— Кажется, всё на местах, — объявил он и облегчённо вздохнул.

— Всё, — подтвердил Питер, который тоже внимательно оглядывал склад оборудования. — Всё на местах, парни, за исключением твоего ящика с шестерёнками, Джо, десятка штанг и ещё кой-какой мелочи весом двести — двести пятьдесят кило...

И Питер закончил свою тираду замысловатым немецким ругательством, которое, немного подумав, сам же перевёл на английский, а потом на французский.

Мы слушали молча... Ящика с шестерёнками, который вечером стоял возле самой палатки Джо, действительно не было, и штабель штанг заметно уменьшился.

— Что же это? — сказал наконец Джо.

Мне показалось, что он готов расплакаться.

— Принимайся за свои обязанности, Джо, — посоветовал Питер. — Приготовь нам хороший омлет и не забудь положить побольше перца. После завтрака предлагаю окружить деревню и поджечь её с четырёх сторон...

После завтрака мы вчетвером отправились в деревню. Стражи у коттеджа вождя торчали на своих местах.

Снова, уже в который раз, я попытался начать переговоры с расстояния в двадцать ша-

гов. Ответом было молчание... Потом выступил вперед Питер. С той же дистанции он прокричал почти все известные ему ругательства, вошедшие в словарь «пинджин инглиш». Стражи равнодушно поглядывали в нашу сторону.

— Довольно, Питер, — попросил я. — Вы же видите, это бесполезно.

Питер с готовностью замолчал. Его запас ругательств был на исходе.

Внезапно Джо осенила блестящая идея.

— Послушайте, шеф, — выпалил он широко раскрыв глаза, — а не сыграть ли нам в телефон?

— Что такое?

— У парня горячка, — хрипло пробормотал Питер.

— Нет-нет, — запротестовал Джо. — Это такая игра. Знаете? Хотя это будет не телефон, а скорее... громкоговоритель.

— Какой ещё громкоговоритель?

— Послушайте. Мы стоим вот тут, где стоим, и по команде хором крикнем, что нам надо. Понимаете, все вместе. Может, он там услышит.

— Мысль, достойная головы Джо, — заметил Питер. — Но мы ничего не теряем. В нашем положении можно попробовать даже это.

Мы посоветовались, и я составил краткий текст устного обращения к «Власти Муан». Питер перевёл «обращение» на «пинджин инглиш» и записал латинскими буквами. Каждый из нас потренировался шёпо-

том в произношении каскада непонятных звуков.

— А теперь повторяйте хором за мной, — сказал Питер. — Хором и возможно громче...

Зычный вопль четырёх здоровых глоток разорвал знойное штилевое безмолвие. Серые попугайчики, гнездившиеся в кронах пальм, всполошились не на шутку. Стремительными стайками они заматались над посёлком, оглашая окрестности пронзительными криками. Залаяли собаки, заблеяли козы и овцы. В ближайших хижинах зашевелились яркие циновки, из-за них появились удивлённые и встревоженные физиономии обитателей Муаи. Даже надменные стражи в медных касках растерялись. Они завертели головами, неуверенно поглядывая друг на друга, на нас, на двери, которые охраняли.

А мы продолжали нашу хоровую декламацию. Гудел бас Тоби, высоким дискантом надрывался Джо, мы с Питером вторили им по мере сил. Мы отчётливо чеканили слова, которые потихоньку подсказывал Питер, и после каждого слова оглушительно орали:

— В-ва... а!

Это «в-ва-а...» звучало особенно мощно. Питер уверял, что оно не переводилось, но подчёркивало многозначительность и важность всего остального. Не сомневаюсь, что, окажись мы на эстраде в Чикаго, наш ансамбль имел бы ошеломляющий успех. Но мы были на Муаи...

Проревев в последний раз «в-ва-а», мы замолчали и поглядели друг на друга.

Стало тихо. Покачивая головами, обитатели Муаи исчезали в своих хижинах. Стражи, присев на корточки, выжидательно поглядывали в нашу сторону. Лишь серые попугайчики не могли успокоиться. Они кружились над деревьями и оживлённо комментировали удивительное происшествие.

Из коттеджа так никто и не появился. И тогда впервые мне пришла в голову странная мысль, что, может быть, он пуст. И вождя там нет. И эти экзотические стражи никого не охраняют. И загадка Муаи срвсем в другом...

Кто-то осторожно потянул меня за рубашу. Я оглянулся. Сзади стоял Ку Мар.

Он одобритительно кивал курчавой головой.

— Что скажешь? — поинтересовался я.

— Хорошо орал! — со знанием дела похвалил Ку Мар. — О-о... Очень хорошо. Да!

— Нам необходимо видеть вождя, — сказал я. Это прозвучало как попытка оправдаться.

— А там что? — поинтересовался Ку Мар, указывая на свёртки, которые держали Джо и Тоби.

— Подарки вождю.

— А, — равнодушно протянул Ку Мар и отвернулся.

— Ну, шеф, что дальше? — хрипло спросил Питер, исподлобья поглядывая на меня.

— Право, не знаю... Может,

попытаться войти в коттедж силой? Может, пистолеты у них не заряжены... Может..

— Заряжен, хорошо заряжен, очень хорошо заряжен, — быстро закричал Ку Мар, — Паф-паф. Убивать будет...

— Нам необходимо видеть вождя, — повторил я.

— Ай-я-яй, — сочувственно закивал Ку Мар, — ай-я-яй! Нельзя. Плохо будет. Совсем плохо будет.. Слушай, — Ку Мар вдруг перешёл на шёпот, — Положи подарка вот тут. Вот тут на земля. И записка положи. Такой большой записка. Напиши там, чего надо. Хорошо напиши.. Как орал! И подпись сделай. Пусть лежит вот тут... А завтра утром приходи... Может, хорошо будет.

— Придется так и поступить, — сказал я по-немецки Питеру. — Вероятно, парнишка специально подослан.. Может быть, завтра нам удастся добиться аудиенции.

— Попробуем, — не очень уверенно согласился Питер. — Во всяком случае это ничуть не хуже, чем «громкоговоритель», придуманный Джо.

— Или попури из международной ругани, — буркнул Джо.

Я быстро написал записку. Наши пожелания и требования выразил предельно лаконично в трёх пунктах: встреча с вождём, помощь при постройке буровой вышки, в остальном — невмешательство и взаимное уважение суверенитета..

(Продолжение следует)

А. Воронин

Солнце опоздало

Разбудила брата Юля:

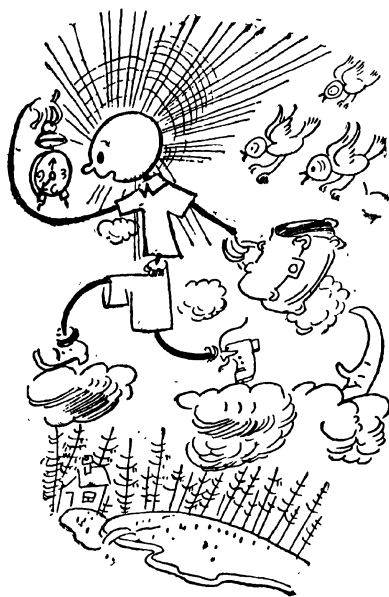
— Опоздал ты нынче в класс,
Вон где солнце-то, сонуля,
Вот тебе учитель даст...

Подымаясь с койки вяло,

Уверяет Юлю брат:

— Это солнце опоздало,
Я проснулся в аккурат...

Рис. К. Бекташева

★

Ты — ленинградец.

Правда, пока очень молод и, наверное, ничего ещё не успел сделать для своего города. Но всё равно ты — ленинградец, гражданин города трёх революций, города-героя, города Ильича. Твои земляки гордятся этим высоким званием — ленинградец. Ведь это у нас, над нашей красавицей Невой, на наших площадях и улицах происходили события, о которых никогда не забудет человечество. «Музей под открытым небом», — восторженно говорят гости нашего города — Здесь каждый камень Ленина знает».

Сейчас вся наша страна вступила в юбилейный год — год пятидесятилетия Октября. Вся страна готовится к этому большому празднику. Героическими трудовыми подвигами хочет наш народ отметить славное пятидесятилетие. Готовятся к этой знаменательной дате и твои земляки-ленинградцы. И ещё готовятся они встретить многочисленных гостей, которые приедут к нам в дни юбилея.

Ты тоже ленинградец. А хорошо ли ты знаешь свой город? Знаешь ли ты его более чем двухсотпятидесятилетнюю историю, его исторические места, музеи, улицы и даже просто трамвайные маршруты? Ведь будет очень неудобно, если кто-либо из приехавших гостей спросит тебя, например, как проехать к Дворцовой площади, а ты и не знаешь... Или спросят: «Что это за памятник?» А ты только руками разведёшь...

Мы хотим тебе помочь. Начиная с этого номера мы будем публиковать в «Искорке» рассказы, очерки, статьи о Ленинграде. Читай, знакомься с родным городом. Тебе это очень надо, ведь ты — ленинградец.

Если случится вам быть в Петропавловской крепости в то время, когда стрелка старинных часов на соборной колокольне будет приближаться к полудню, поспешите тогда к Нарышкинскому бастiónу. Найти его просто: на его верхней площадке стоят два орудия.

Вот уже более двух веков в Ленинграде соблюдается одна очень старая традиция. Ровно в двенадцать часов дня одна из пушек,

стоящих на Нарышкинском бастiónе, производит холостой выстрел, и он грохочущим эхом раскатывается над широкой гладью Невы.

Вот почему спешат сюда любопытные. Они хотят не только услышать полуденный выстрел Петропавловки, но и увидеть, как это делается.

Ну что же, давайте понаблюдаем с вами. Вот доносится до нас мелодичный перезвон курантов Пет-

ропавловской крепости. Он раз-
даётся каждые четверть часа. По-
смотрим на часы: стрелка показы-
вает без четверти двенадцать.
Взглянем на орудия. Около них
ещё никого нет. Не стреляют же
они сами по себе!.. Как у всякого
орудия, и здесь, наверное, должен
быть артиллерийский расчёт. Кто-
то должен следить за исправно-
стью орудий, чистить их, смазы-
вать, наконец, стрелять.

Минут за десять до двенадцати
мы замечаем трёх уже немолодых
людей в морских фуражках. Спо-
койно, не спеша, поднимаются они
по лестнице на площадку бастии-
она. Это и есть расчёт петропавлов-
ских орудий. Они и есть — «часо-
вые времени». Сейчас они начнут
подготовку к сигнальной стрельбе.

А пока давайте перенесёмся с
вами на два с лишним века назад
и узнаем, откуда же пошла эта
традиция: в двенадцать часов па-
лить из пушек. Забудем пока год
1967-й и на машине времени
умчимся назад — в год 1735-й.

Представим себе Санкт-Петер-
бург той далёкой поры. Пройдём-
те с вами по Неве. Берега её ещё
не оделись в гранитные одежды.
На стрелке Васильевского острова
ещё нет прекрасного белоколонно-
го здания, где ныне помещается
Военно-морской музей. Но рядом
с этим местом уже возведено кра-
сивое здание со стройной башен-
кой. Это здание выстроено для
Академии наук. А в башенке, ко-
торая сохранилась и до наших
дней, находилась тогда одна из
первых в стране астрономическая
обсерватория.

В этот дом мы и войдём с вами.
Здесь царит строгая тишина. Прой-
дём по коридорам и в конце кон-
цов попадём в круглый конфе-
ренц-зал. За большим столом вос-
седают академики в цветных кам-
золах. На их головах — высокие,
искусно завитые парики. Идёт за-
седание учёных, или, как исстари
его называют, — конференция.
Прислушаемся, о чём идёт разго-
вор. Академики обсуждают про-
ект «чтобы дать каждому санкт-пе-
тербургскому обывателю способ,
как исправно заводить по солнцу
стенные и карманные часы».

Вот поднялся один из академи-
ков и говорит:

— Господа академики! Посколь-
ку в нашей обсерватории есть при-
боры, при помощи которых мож-
но узнать точный час в любое вре-
мя суток, то ли днём, то ли но-
чью, а если солнце, звёзды и луна
бывают скрыты облаками, то име-
ются у нас на сей случай наивер-
нейшие часы, то мы можем давать
жителям города наиточнейшее
время. А как это сделать? Один раз
в сутки, точно в самый полдень
производить выстрел из пушки,
стоящей против обсерватории на
Адмиралтейском бастионе. Того
ради следует приказать канонирам,
чтобы они были готовы немного
прежде полудня к выстрелу, а стре-
ляли бы в ту самую минуту, когда
из обсерватории им сигнал дан бу-
дет...

Но тут вдруг академик подумал,
что пушечный выстрел с Адмирал-
тейской крепости петербургские
люди смогут истолковать по-всяко-
му. Ведь в те времена палили из

орудия и по всяким другим поводам. То встречают знатного гостя. Или вода на взбухающей Неве поднимается выше уровня и грозит городу наводнением. Или какая-нибудь другая тревога.

И академик продолжал:

— О том, что сей пушечный выстрел оповещает именно о точном времени, следует заблаговременно предупредить людей, напечатав об этом в «Ведомостях».

В те времена на Неве в черте города были две крепости — Петропавловская и Адмиралтейская. Ещё пройдёт без малого сто лет, пока Адмиралтейство станет таким, каким мы его видим сейчас. Двести с лишним лет назад оно было окружено рвами, валами, по всем военным правилам. На валах стояла артиллерия, из которой и стреляли по разным торжественным случаям.

Академики недолго обсуждали проект. Польза его была очевидной. Когда конференция закончилась, «Академии наук главный командир», как тогда назывался её президент, подписал доклад и направили его императрице.

Но доклады прямо так в руки императрицы не попадали. Вначале их рассматривали царедворцы. Прочитали они то, что написали академики российские, и усмехнулись:

— Зачем так много шума поднимать из-за такого пустякового вопроса, как оповещение населения о точном времени. Что за спех такой, кому это так остро потребовалось? Вельможам, чтобы про-

снуться и начать свой очередной праздный день? Или простолюдинам, которые встали давным-давно, с первыми лучами петербургского солнца? Да и зачем, в конце концов, стрелять? На худой конец, господа академики, если уж вы так настаиваете, можно оповестить о точном времени колоколом...

И так получилось, что доклад академиков до самой царицы не дошёл. Царедворцы наложили на нём следующую резолюцию: «По сему представлению употребить вместо пушечного выстрела, один нарочитой величины колокол, которым в уроченный час аккуратно знак подавать...»

И вот тут поднялся спор, академики российские были против колокола. Как же можно давать точное время колоколом, если колокольным звоном извещают народ о возникшем пожаре?! Ударят в набат, а петербуржцы не будут знать, полдень ли это, или же пламенем охватило Смоленской двор, или дом какого-нибудь столичного жителя. Нет, господа, колокол не подойдёт. Спорили, спорили, и в конце концов пушка одержала победу над колоколом.

Так и родилась в нашем городе добрая традиция. Надо помнить, что часы карманные были в те времена вещью дорогой, простым людям недоступной. Часами владели только вельможи и очень богатые купцы. Поэтому пушечный выстрел для простого народа заменял часы. Вначале стреляли с Адмиралтейства, а позже с Петропавловской крепости. Выстрелы с Петро-

павловки оказались много звучнее и раскатистей.

Но крепостное орудие оповещало город не только о точном времени. Когда Нева, особенно в осенние месяцы, ярясь и пенясь, угрожала выйти из берегов и ворваться на улицы и площади столицы, артиллеристы неотлучно бодрствовали у пушки. Существовали правила: если уровень воды в Неве переваливал за пять футов, каждые полчаса с Петропавловской крепости раздавался выстрел, предупреждая о грозящем наводнении. А вода в бурлившей реке поднималась всё выше. Вот уровень её достиг шести футов. И тут пушка уже начала стрелять каждые четверть часа. Это уже был очень серьёзный сигнал, и все жившие в подвалах (а таких людей было превеликое множество) и в низких частях города, должны были немедленно покинуть их.

Но взбунтовавшаяся Нева не успокаивалась. Кто из вас читал «Медный всадник» Пушкина, тот помнит, какое страшное наводнение было в Петербурге в 1824 году. Уровень воды тогда перевалил за семь футов. Крепостная пушка продолжала палить каждые четверть часа, и уже не одним, а двумя выстрелами — это означало, что в городе наводнение.

В прошлом Нева не раз врывалась на улицы Петербурга, наносила большой урон её жителям. Крепостная пушка, предупреждая население, помогала людям своевременно уйти от беды. Погибало имущество, но хоть сами люди могли спастись, уйдя в более высокие места.

Прошло уже более двухсот лет, как над Невой прогремел первый выстрел, оповестивший о наступившем полдне. За это время смени-

лось много пушек на крепостном бастионе. Вначале палили из старинных морских мортир. Потом установили известные в русской артиллерии шуваловские пушки — «единороги». В общем, все это были орудия, которым место теперь в военном музее.

Накануне Великого Октября революционные солдаты и матросы, располагавшиеся в Петропавловской крепости, также готовились к решающим событиям. Они искали орудия, из которых можно было бы вести огонь по Зимнему дворцу, где засело Временное правительство. И представьте себе, стрель-

яла по Зимнему та самая сигнальная пушка, которая извещала народ о точном времени. Эта пушка была очень старой, она заряжалась, как и в прошлые века: с дула. И всё же эта «старуха» отменно справи-

лась с задачей. Огонь по Зимнему внёс немалый переполох в стан врага.

После победы Октября эта пушка опять продолжала нести свою мирную службу времени. Но в 1938 году она замолчала. К Нарышкинскому бастиону подъехал грузовик и увёз старое орудие в Артиллерийский музей, расположенный рядом с крепостью.

Была ли нужда в пушке, если радио не раз в сутки, а многократно доносило до нас сигналы точного времени, передававшиеся с самых точных часов страны? В огромном городе, с огромным транспортом, в городском шуме, многие ли услышат одиночный выстрел крепостного орудия. Может, в наше время сигнальная пушка отжила свой век?

Нет, добрая старая традиция не отжила. Ведь она как бы показывает морскую душу великого города, возникшего на балтийских берегах, она будит воспоминания

о его необыкновенной истории. И так же, как мы бережно храним памятники прошлого — бесценный «Медный всадник», маленький домик Петра — первое здание, выстроенное в нашем городе, — бережём одно из прекраснейших сооружений мировой архитектуры — Адмиралтейство, так же мы храним традицию полуденного выстрела с Петропавловки. Ведь этот выстрел тоже памятник нашего прошлого.

Когда праздновалось двухсотпятидесятилетие нашего города, Исполком Ленгорсовета решил возродить стародавнюю традицию. Незадолго до юбилейных дней на территории Петропавловской крепости появились две автомашины, на прицепе у которых находились два боевых орудия. Это уже были не старинные пушки, а современные 152-миллиметровые гаубицы, прошедшие славный боевой путь.

Родились гаубицы в грозное время, и суровая им была уготована судьба. Год рождения орудий — 1941-й. Едва вышли они из цехов орудийного завода, как чуть ли не сразу перекечевали на огневые позиции Ленинградского фронта. Эти гаубицы гремели на многих участках обороны великого города на Неве. Воевали эти орудия и во время исторических сражений при прорыве и снятии блокады Ленинграда.

Где теперь артиллерийские расчёты, которые обслуживали эти гаубицы? Где они, командиры орудий, наводчики, заряжающие, подносчики снарядов? Одни пали смертью храбрых на поле битвы, а те, кто с победой закончил войну с фашистами, ныне заняты мирным трудом.

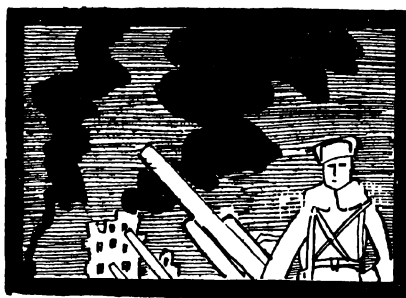
Орудия подняли на площадку Нарышкинского бастиона. 23 июня 1957 года Ленинград услышал их могучий голос. Ровно в полдень

гаубицы, как в прошлом их сёстры-мортиры, единороги, пушки, громopodobным выстрелом стали оповещать население города Ленина о наступлении полдня, или, как его именовали в старину, — адмиралтейского часа. Две старые гаубицы поочерёдно служат городу Октября.

А теперь вернёмся к началу нашего рассказа, к трём пожилым людям, «часовым времени», которые ныне составляют расчёт орудий на бастионе Петропавловки. Давайте познакомимся с ними. Вот командир расчёта, полковник запаса М. Кудрявцев. Обычно орудием командует сержант или старший сержант, а здесь полковник. Но ведь и орудия здесь несут особую службу! Полковник Кудрявцев вдобавок стал наглотался порохового дыма за двадцать семь лет службы в артиллерии Советской Армии. Где он только не воевал! Брест, Варшава, Гданьск...

А вот орудийные номера этого необыкновенного расчёта: старший лейтенант Ф. Стариков. Он помоложе Кудрявцева, но огневую школу прошёл солидную. Как говорится, закалился в огне. Когда прорывали кольцо фашистской блокады, Ста-

риков со своими орудиями участвовал в артиллерийской подготовке недалеко от знаменитого «Невского пятачка». До самого последнего дня войны сражался Стариков и со своим орудием дошёл до самого

Берлина.

Девять лет назад ещё одним помощником Кудрявцева был артиллерийский капитан С. Семёнов, воевавший на Ленинградском и Волховском фронтах. Теперь же его заменил другой артиллерист Б. Зиновьев, сражавшийся с японскими самураями на Дальнем Востоке.

В тот самый день, 23 июня

1957 года, я вместе с другими решил пойти на Дворцовую набережную Невы, чтобы отсюда увидеть и услышать почти после двадцатилетнего перерыва первый выстрел сигнального орудия. Набережная была запружена праздничными ленинградцами. Среди гуляющих можно было увидеть много моряков в белых бескозырках, уволившихся на берег с кораблей. Мощные репродукторы разносили над рекой весёлую музыку. Чем ближе к двенадцати, тем чаще поглядывали люди на часы.

И вот уже без двух, без одной минуты двенадцать. Из репродукторов доносится громкое тиканье самых точных часов государства. На секунду становится совсем тихо. Потом звучат сигналы — два длинных, один короткий... И одновременно с коротким на той стороне Невы, над серыми крепостными стенами бастиона вспыхивает багровый язык пламени, взлетает вверх лёгкое светлое облачко, и над рекой грохочет выстрел. Стаи голубей, испуганные пальбой, кружат над крышами домов.

Праздничным эхом отозвался этот мирный выстрел в сердцах ленинградцев, горячо любящих свой город, отстоявших его, берегущих

его прекрасные памятники, хранящих всё новое, что входит в нашу жизнь, хранящих и его добрую седую старину.

Недавно я снова побывал у Нарышкинского бастиона. Без пяти двенадцать. Всё тот же старый пушкарь, полковник запаса Кудрявцев, вошёл в будочку, находящуюся недалеко от орудий. По телефону он соединяется с лабораторией точного времени. Включены мощные динамики.

Тем временем Стариков и Зиновьев зарядили обе гаубицы семикилограммовыми зарядами. Обе, но стрелять будет только одна. Вторую заряжают на всякий случай: а вдруг откажет первая? Этого не бывает, но застраховаться надо.

И вот над старинной крепостью снова раздаётся тиканье часов. На сей раз звучат не два длинных, один короткий, а шесть одинаковых коротких звуковых сигналов. У Старикова в руке — орудийный шнур. Звучит шестой короткий сигнал. Вместе с ним отдаётся команда: «Огонь!» — и гремит выстрел.

— Ровно двенадцать! — говорят в эту секунду люди, услышавшие выстрел и невольно посмотревшие на свои часы.

Эд. АРЕНИН

Не забудьте сказать «Спасибо!»

«АППЕТИТ» ГОРОДА

Вы любите колбасу? А пельмени? А котлеты? Конечно, любите.

Но сколько же понадобится продуктов, чтобы прокормить население нашего города всего один день?

300 тонн мяса!

250 тонн колбасы!

40 тонн пельменей!

1 миллион котлет!

100 000 порций полуфабрикатов!

И 150 000 жареных пирожков с мясом!

И всё это изготавливает для нас за один день Ленинградский мясокомбинат имени С. М. Кирова.

Много? Ещё бы! Если бы только одну выпускаемую им колбасу мерить на метры, то это получилось бы ежедневно 200 000 метров колбас! Больше, чем расстояние от Ленинграда до Новгорода.

КТО НОСИТ КОЛЬЧУГУ?

Очень заинтересовала меня эта многокилометровая колбаса, и я пошла на мясокомбинат, прямо в колбасный цех.

Мясо попадает сюда из другого цеха — первичной переработки. А здесь его подготавливают для колбасного производства: срезают с костей, перемалывают в мясорубках. Кажется, всё просто и понятно.

Но зачем у входа в этот цех на гвоздиках висят кольчуги? Что это ещё за цех Добрыней Никитичей?

А вот, оказывается, зачем. Снимать мясо с костей — одна из самых сложных профессий на мясо-

комбинате. Называется она «обвальщик».

Представьте себе коровью лопатку — это кость очень сложной формы. Или позвоночник. Попробуйте-ка отскоблить мясо от каждого позвонка! Конечно, хорошо, если бы такую работу выполняла машина. Но пока такой машины никто не придумал: слишком уж сложные и разные формы у костей. Во всём мире эта работа сейчас выполняется вручную.

Обвальщики должны работать быстро. Потому что другие работы на мясокомбинате механизированы, автоматизированы, и нельзя, чтобы этот участок задерживал все остальные.

Поэтому среди обвальщиков есть настоящие виртуозы.

Такой виртуоз берёт часть туши, кладёт её перед собой на столик и, придерживая левой рукой, правой рукой с ножом делает некое молниеносное движение, как бы

описывая в воздухе сложную кривую. В результате этого движения огромное количество мяса отлетает в приготовленный цинковый короб, а на столике перед рабочим лежит белая, выскобленная с двух сторон кость. Вы не верите своим глазам.

— Можно ещё раз?

— Можно,— удивлённо отвечает рабочий.

После этого он берёт кость похитрее первой и опять одним движением ножа очищает её от мяса.

Для чего же всё-таки кольчуги? Дело в том, что при такой быстроте движений нож может сорваться и поранить человека. Поэтому обвальщикам и выдают кольчуги и кольчужные рукавицы на левую руку.

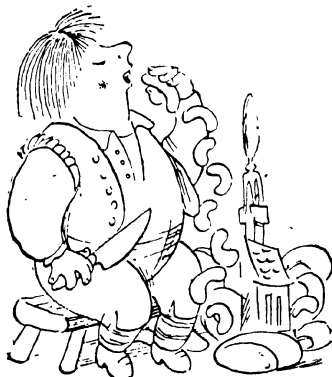
А самые старые, самые опытные рабочие кольчуг не надевают. Такая у них, значит, твёрдая рука.

МЯСОРУБКИ НА КАПИТАНСКОМ МОСТИКЕ

Мясорубки на комбинате величиной с мотоцикл. Примерно такой представляешь себе мясорубку из книги «Волшебник Изумрудного города». Стоят эти мясорубки на большом кафельном возвышении с белой лесенкой. Это возвышение называют на комбинате «капитанский мостик».

Действительно, тут командный пункт всего колбасного производства: в каждый сорт колбасы (а их на мясокомбинате 120) нужен свой фарш с разным количеством говядины и свинины, шпика, специй и других продуктов. Тут уж спутать нельзя, а то будет докторская колбаса с чесноком, а охотничьи сосиски — с фисташками.

Колбасный фарш содержит очень много разных продуктов, которые придают ему особый вкус, запах и цвет, а недавно в фарш стали добавлять... снег. Специальные машины — ледогенераторы — прямо на «капитанском

мостике» готовят искусственный снег; он придаёт фаршу особую пышность.

ЛЮБИТЕЛЬСКИЙ ЦЕХ

Конечно, большинство людей с удовольствием ест отдельную, московскую, польскую и столовую колбасу. Но есть, представьте, такие привереды, которые эту колбасу и в рот не возьмут. А нужна им, например, колбаса, у которой внутри проходит стержень шпика, или чтобы вся она, как булка с изюмом, была утыкана фисташками, или кусочками копченого языка, или чтобы вообще колбаса была не похожа на колбасу, а была бы круглая, как шар, а внутри походила на слоеный пирог.

И, представьте, даже для этих оригиналов на мясокомбинате существует специальный маленький цех особых колбас. Эти колбасы делают вручную опытные мастера. Они сами готовят фарш и сами набивают его в оболочки. Шедевры этого цеха не раз бывали медалистами на выставках.

ЦЕХ, В КОТОРОМ ТЕКУТ СЛЮНКИ

Кто придумал печь из мяса хлеб, я не знаю. Но придумал он просто замечательно. Эти хлеба пекут паразитические машины. Вообще сочетание сложнейших машин с такой домашней, аппе-

титной едой поражает на мясокомбинате. Тут — шипящий, румяный, благоухающий хлеб и тут же — манометры, рычаги, пульта управления. Очень странно всё это выглядит.

А машина в этом цехе делает вот что: сама дозирует фарш, сама раскладывает его по формам, сама задвигает формы в печь, сама, когда нужно, эту печь выключает и потом сама перекладывает готовые хлебы в приготовленные ящики. Вывернет хлеб и ещё потрясёт форму, чтобы стекли сок и жир. Когда я была в этом цехе, работники угостили меня ломтём горячего хлеба. Это было просто объедение.

— Вкусно? — спрашивают работники.

— Очень, — говорю я, — в Ленинграде все ваш хлеб любят, как привезут в магазины, сразу раскупают.

— Ну, пусть едят, — говорят работники, — да нас вспоминают.

Так что вы, ребята, вспоминайте.

ДЕРЕВЯННЫЕ БАШМАКИ

Когда я уходила с колбасного завода, раздался звонок на обед. Только он смолк, началась такая трескотня, словно весь комбинат бросился играть в домино. Но в домино никто не играл. Все просто спускались по лестнице обедать. Спускались по каменным ступеням в деревянных башмаках. Вернее, сами башмаки были кожаные, но с толстыми деревянными подошвами.

Дело в том, что во всех цехах мясокомбината полы мокрые, то есть они просто залиты водой, и, чтобы рабочие не поскользнулись и не упали, их обули в деревянные башмаки.

Я уходила, а рабочие колбасного завода, смешно щёлкая своими деревяшками, шли обедать. Шли в столовую поесть супу, жареного мяса и фруктов. А на колбасу им, представьте, просто не хочется смотреть. Надоела.

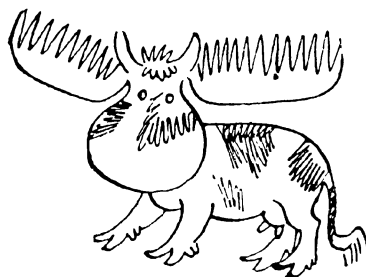
А в это время другие машины и поезда, которые ходят мимо цехов комбината, привозят в эти цеха тысячи тонн муки и соли, сотни тонн лука и чеснока, специй, шпагата, картона, оберточной бумаги, целлофана, пергамента, ацетона, спирта и дров. Зачем дрова? Ведь на мясокомбинате паровое отопление, электрические и газовые плиты и печи для приготовления колбас и копчёностей. Для чего мясокомбинат сжигает столько дров? Для запаха. Только дым осиновых опилок придаёт колбасе её соблазнительный аромат.

В общем, про это интересное производство можно писать очень много, никакого журнала не хватит. Например, проходя по комбинату, я попала в настоящее царство сосисок: сосиски лежали, висели, ехали, парили в воздухе и мылись под душем. В этом месте сосиски остывают после обварочных камер на специальных рамах и свисают с них, как ветви плакучих берёз.

ДЛЯ ЛЮДЕЙ, ДЛЯ ОГНЕТУШИТЕЛЕЙ, ДЛЯ ШАРИКОПОДШИПНИКОВ

Ещё я узнала, что из каждой коровы можно сделать две гребёнки. Всего две. Из каждого рога — по одной. Гребёнки тоже делают на мясокомбинате. И это ещё не самое странное, что делают здесь.

Делают пенообразователь для

огнетушителей, слесарный клей с морским названием «галлерта», смазку для шарикоподшипников, мыло, более двадцати различных лекарств, вылечивающих людей от ревматизма, подагры, малокровия, диабета, язвы... Есть лекарство, которое во время сложных операций может служить для человека искусственным питанием в течение трёх месяцев. Есть и такое, от которого зарубцовываются незаживающие язвы и раны.

И это ещё не всё.

Здесь изготавливают вещество «альбумин», нужное для склейки

фанеры. Из рога и кости делают мундштуки, пуговицы, разные художественные изделия и даже мильейские свистки.

А всё то, что не годится в пищу и не пошло на изготовление уже перечисленных продуктов, — смешивают, вываривают, сушат, мелют, и из этого получается мясокостная мука: незаменимый сухой корм для животных и птиц.

Есть на мясокомбинате ещё один специальный цех — гематогенный. Там делают удивительное лекарство, которое улучшает у людей самочувствие.

НА МЯСОКОМБИНАТЕ имени С. М. Кирова очень много интересного. Я бы всех пригласила вас туда убедиться в этом. Но всех туда не пускают. Поэтому посмотрите хотя бы то, что нам удалось заснять с фотографом Г. Ф. Сафоновым. Этакрывайте вторую страницу обложки. Смотрите.

Вот на «капитанском мостике» стоит «капитан». Только это не морской капитан, а мастер колбасного цеха Юрий Алексеевич Соколов.

А где корабль — там и река. Только тоже особенная: текут и текут пельмени. И кончается эта речка водопадом: пельмени прыгают прямо в корбочки. Управляет течением этой реки тоже опытный лоцман — Вадим Смирнов.

В цехе обвальщиков встречает нас весёлый богатырь с кольчугой.

*Снег в колбасах тоже нужен,
Мы едим его на ужин,
И на завтрак, и в обед —
И у нас ангины нет.*

Интересно бы узнать у Фёдора Петровича Яковлева, сколько сугробов снега мы съедаем с колбасой за год. Уж Фёдор Петрович-то это знает: он на мясокомбинате «Дедом Морозом» работает.

А эту царевну-лягушку держит на ладони не Иван-царевич, а Виктор-царевич: её создатель, художник Виктор Петухов.

Через руки Клавды Ведерниковой проходят десятки километров сосисок. А с одного из заводов мясокомбината — завода лекарственных препаратов — выходят самые различные лекарства.

Мясокомбинат имени С. М. Кирова — это несколько заводов, склады, конструкторское бюро. Есть в нём и своя школа. Вот её ученики.

И когда вы за завтраком или ужином будете есть сосиски или бутерброд с колбасой, не забудьте сказать спасибо тем замечательным людям, которые всё это для вас здесь приготовили.

Золотая иголка

То, что иголками шьют разные платья, пальто, рубашки — это вы все знаете.

А вот приходилось ли вам слышать, чтобы зашили... иголку?

Нет, не случайно зашили. Не просто забыли в какой-нибудь складочке. Нарочно зашили. Специально. Несколько человек зашивали. И даже очень старались.

Может быть, вы думаете, что это были обыкновенные портные?

Ничего подобного.

Иголка-то ведь была великанской!

Чтобы достать до её кончика, нужно было забраться почти что до самого неба. Лезть, лезть, лезть и всё время тянуть за собой нитку. Какой же портной мог это сделать?

А зашить было надо. Обязательно надо.

Дело в том, что эта иголка была очень большая. Великанская! И возвышалась она над всем городом.

Была она ещё светлая-светлая! Блестящая-блестящая! И потому видно её было далеко-далеко! За много километров. Не только в городе, но даже из его пригородов видно было.

Вот из-за этого-то её и потребовалось зашить. Надеть на неё платье. А если по-военному, то — маскировочный халат.

В тот год была война. Лютая война, беспощадная. Фашисты напали на нашу страну. Бросили на нас корабли, самолёты-бомбардировщики, танки. Гитлер уже назначил парад своих войск в Москве на Красной площади и отпечатал для самых воинственных офицеров пригласительные билеты на торжественный обед в ленинградской гостинице «Астория».

Очень уж близко подошли фа-

шистские войска к Москве и Ленинграду.

Съездите сейчас в Ленинграде в район новостроек: в Автово, в Дачное, на Московский проспект. Садитесь на трамвай и поезжайте. Приедете прямо на передовую.

Сейчас это передовая нашихстроек. А тогда здесь была другая передовая: окопы, блиндажи, траншеи, огневые точки — передний край обороны города.

Вот как близко подошёл враг.

Гитлеровские генералы рассматривали город в бинокли. И, конечно, они видели великолепную, сверкающую на солнце Адмиралтейскую иглу.

Всегда люди говорили о ней:

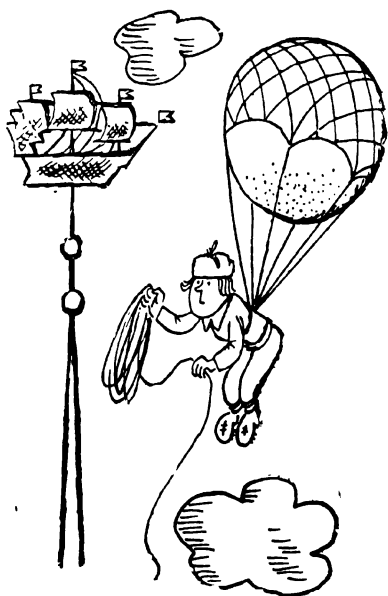
— Какая красота!

А гитлеровские генералы сказали:

— Великолепный ориентир!

Для них это означало: смотри и прицеливайся из пушек. Возьмёшь чуть-чуть правее — можно в Эрмитаж угадать. Чуть-чуть левее — в жилые дома. Чуть-чуть подальше — как раз в школу. Очень удобно.

Вот и понадобилось надеть на Адмиралтейскую иглу маскировочный халат. Весь город в шинели оделся, надо было и ей по-военному.

Уже и материал достали. И все выкройки приготовили. Но кто же сошьёт такой халат? Какие портные на такую высоту заберутся?

И тогда позвали альпинистов. Очень опытных альпинистов. Много вершин они покорили. Выше облаков забирались. Но тут ведь не гора, не пик, а иглока!.. Адмиралтейская игла!

Встали альпинисты внизу, смотрят вверх, щурятся: уж больно ярко сверкает на солнце золотая игла. А на самом-самом её острье кораблик плывёт. Расправил паруса, поймал в них балтийский ветер и плывёт, плывёт над городом!..

Вот если бы верёвку оттуда спустили!

Но не крикнешь ведь:

— Эй, на кораблик! Кидай концы!

Надо было наоборот: с земли туда верёвку забросить. И привязать к кораблику.

Только как это сделать? Вертолётов тогда не было — сверху не подлетишь. Снизу тоже не допрыгнешь.

Но ведь надо! И придумали. И допрыгнули. Снизу. До самого кораблика!

Достали альпинисты особые воздушные шары — «попрыгунчики». Привязали к спине, накачали шар лёгким газом, оттолкнулись как следует и... мимо! Ветром отнесло. Нет у «попрыгунчика» никаких рулей управления. В высоту-то прыгают они хорошо, а вот чтобы ещё и точно — ветер мешает. Пришлось выпускать из шара газ, садиться, снова всё начинать сначала.

Много раз прыгали и всё-таки зацепили за кораблик верёвку!

И полезли наверх.

Потянули за собой великанский халат, несколько километров ниток и много обыкновенных иголок. А как же? Вдруг упадёт иголка? Что же, снова за ней вниз слезать? Лучше уж сразу про запас взять.

Утром проснулся фашистский генерал, взял бинокль, смотрит — нет Адмиралтейской иглы! Слилась с хмурым ленинградским небом. Пропал ориентир, и всё тут!..

Ну и разозлился! Из всех пушек велел палить. Целых сто снарядов выпустил. Пятьдесят в Неву булькнули, двадцать пять на пустырь угадали. А остальные не разорвались.

Зато, пока фашистские пушки стреляли, наши разведчики их засекли. Как грохнули ответным залпом — на фашистских кладбищах сразу крестов прибавилось.

А когда совсем фашистов от нашего города прогнали, к Адмиралтейству опять пришли альпинисты. И снова полезли вверх. Только теперь не с иголками, а с ножницами. Снимать маскировочный халат с красавицы.

День тогда был солнечный, яркий. Много людей собралось. Все вверх смотрят. У меня даже пилотка свалилась. Только я нагнулся её поднять, а игла ка-ак сверкает! Золотом! Солнцем! Победой!

Очень было радостно.

Всегда ведь радостно, когда солнце и когда победа!

Д о б р ы й М и ш к а

Всякий раз, когда Бельчонок видел Мишку с пирожком, он просил:

— Дай, Мишка, пирожок.

— На, — говорил Мишка, — поддержи. Только смотри не съешь.

И Ежу разрешал поддерживать пирожок. И Барсуку.

А сейчас Мишка решил отдать пирожок по-настоящему. Насовсем. Тогда все будут говорить: «Какой Мишка добрый! Пирожок отдал!»

Пришёл Мишка к знакомой сосне, ходит вокруг и напевает:

— Я иду, иду с пирожком! Я иду, иду с пирожком!

А Бельчонок не появляется.

— Я иду, иду с пирожком! — крикнул Мишка и прислушался.

Тихо. Только хрустит крылышками стрекоза, стараясь сесть Мишке на нос.

Пошёл Мишка дальше, бормочет:

— Я иду, иду с пирожком!

Пирожок перед собой держит.

Встретился ему Ёж. И Барсук встретился. Но никто даже поддержать не попросил.

А пирожок тёплый, с малиновым вареньем!..

Чтобы не думать о нём, Мишка отвернулся и снова крикнул:

— Я иду, иду с пирожком!

Наконец он устал, сел на пенёк и заплакал. А когда перестал плакать, пирожка нигде не было.

Хотел ещё раз заплакать, но подумал, что два раза подряд не плачут.

Мишка сидел, нос у него был перепачкан вареньем, но ему было не до этого. Уж очень было обидно: ведь так никто и не узнал, что он был добрым.

Заяц-умора

Собрались к Зайцу гости. Заяц им что-то рассказал, и все гости умерли со смеху.

Один Хомячок остался жив, — он ничего не понял.

ПОСТЫЕ ЗАМЕТКИ

ФОТОПОРТРЕТ... КАЛЬМАРА

В коллекции Сергея Иванова, редактора газеты, которая издаётся на борту плавучей китобазы «Дальний Восток», насчитывается несколько тысяч редких снимков. Но фотопортрет гигантского 18-метрового кальмара совершенно уникальный.

Сергей Иванов рассказал:

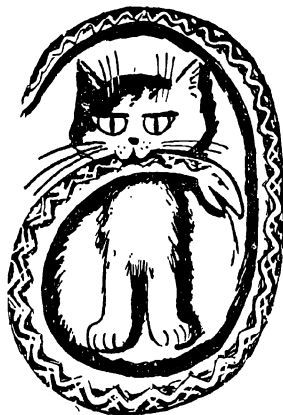
— Подкараулить гиганта мне удалось случайно. «Дальний Восток» охотился на кашалотов в северной части Тихого океана. В этих районах водятся очень крупные кальмары. Океан был сравнительно спокоен, когда на поверхность его из глубины выплыл десятирукий кальмар. С мостика судна он был хорошо виден. Снимок получился чёткий. На нём «живая торпеда» вышла во весь свой рост.

ЗАБЕГ ЧЕЛОВЕКА И... ЛОШАДИ

Австралийский стайер Рональд Кларк, побивший 14 мировых рекордов в бегах, решил помериться силами с... лошадью. Состоялась его «дуэль» с конём по кличке «сэр Камерон», дважды выигравшим первый приз в национальных скачках. Человек и лошадь выступили на дистанции 12 миль.

КОТ-ЗМЕЕЛОВ

Мы привыкли к тому, что домашние коты уничтожают мышей. Однако кот Мирон, путешествуя с геологами по каменистому плато Устюрт (Узбекистан), поколебал наши привычки. Он «переквалифицировался» на уничтожение ядовитых змей.

Как только около лагерь геологов появляется змея, Мирон молниеносно бросается на неё. Он хватается, подбрасывает её и ударяет о землю. Несколько акробатических прыжков, и враг побеждён. Мирон приносит добычу к палатке и получает заслуженное лакомство.

Однажды кот сплывал. В неудавшейся битве его укусила гадюка. Прибывший на вертолёте врач спас Мирона. Теперь он вновь несёт свою вахту.

ПРЕСНОВОДНЫЙ ОАЗИС В АТЛАНТИКЕ

В Атлантическом океане восточнее берегов Флориды находится участок моря диаметром примерно 30 метров, откуда можно черпать пресную воду. Как установлено, в этом месте на дне океана имеется впадина глубиной примерно 40 метров, из которой бьёт мощный фонтан — источник пресной воды, достигающий поверхности моря.

Проходящие мимо суда часто пользуются этим источником для пополнения своих запасов питьевой воды.

БЕЛЫЙ МЕДВЕДЬ РОДИЛСЯ В СУБТРОПИКАХ

В Батуми произошёл редкий случай. Белая (полярная) медведица по кличке Ляля — «артистка» Государственного цирка — родила медвежонка, которому дали имя Бату.

Ляля — одна из 16 «актёров», выступающих в аттракционе «Волнах Арктики».

За последние 35 лет зарегистрировано всего 18 случаев рождения белого медведя в неволе. Из родившихся живых только три, в том числе и малыш Бату.

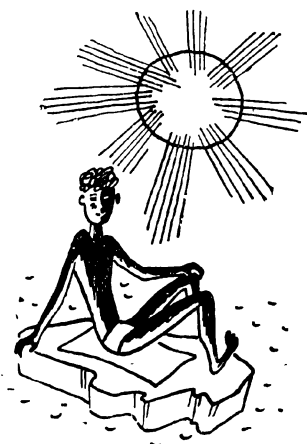
...климат на Земле меняется с изменением скорости её вращения и колебанием уровня мирового океана? Наибольшая разность уровня океана достигает 8,2 миллиметра. Эта, казалось бы, ничтожная величина, по мнению учёных, играет важную роль в образовании климата. С падением уровня Атлантического океана даже на 1—2 миллиметра связано обострение континентальности на территории Европы.

★

...к началу XX века на земном шаре было всего 15 тысяч научных работников? Теперь на планете — более двух миллионов специалистов, занятых расшифровкой тайн природы. Если к началу 1961 года численность человечества составила примерно 2,9 миллиарда человек — значит, в среднем из каждых полутора тысяч жителей земли один — работник науки.

★

...загорать надо на... севере? Учёные после многолетних исследований установили, что в высоких широтах в образовании загара важную роль играет безвредная длинноволновая часть ультрафиолетовой радиации. Поэтому-то северный загар здоровее южного.

★

...ледяные заторы, как и наводнения, бывают в нашем городе довольно часто? За последние 64 года их было 20. Самый сильный затор случился в 1928—1929 годах, второй по величине — зимой 1962/63 года. Бывали случаи, когда масса льда почти до самого дна забивала Неву, вызывая наводнение выше места затора. Общий вес скопившегося льда достигал астрономической цифры — 20—25 миллионов тонн. Учёные теперь заранее предсказывают заторы, что значительно облегчает борьбу с ними.

★

...в Японии группа научных работников и студентов Нагойского университета построила двухметровую модель поезда, способного развивать скорость, почти равную скорости звука? Поезд по форме напоминает ракету с горизонтальными и вертикальными стабилизаторами в носовой и хвостовой части. На нём установлены два миниатюрных реактивных двигателя. Вместо обычных рельсов используются пилоны с роликами наверху. Во время испытан

ий модель на прямом участке достигла скорости 980 километров в час.

★

...в карьере Калининградского янтарного комбината нашли самородок янтара весом более килограмма? Когда отполированный минерал стал прозрачным, внутри его увидели муравьиное семейство. Такие янтарные гробницы — не редкость. В кусках янтара находили заживо погребённых пауков, комаров, мух, бабочек, жуков. А однажды обнаружили даже... ящерицу. В прозрачном силеппе она пролежала десятки миллионов лет, но сохранилась как живая.

★

...на территории Ладужинского маслозавода (Калининградская область) растёт гигантский дуб? Толщина его ствола превышает шесть обхватов, высота достигает сорока метров, и крона даёт тень на площади в 600 квадратных метров. Комиссия лесоводов, изучавшая редкое дерево, определила, что дубу более 800 лет и что он может ещё жить 200—300 лет. Юннаты города взяли дуб-великана под свою охрану.

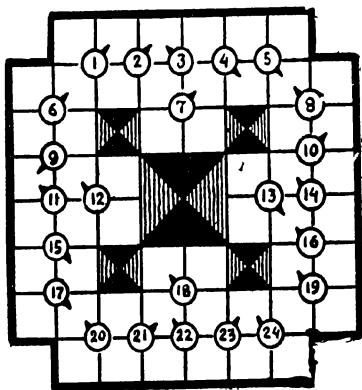
★

...летучие мыши никогда не селятся в местах, где возможны обвалы? Поэтому они являются своеобразной «службой безопасности» для спелеологов.

КРОССВОРД

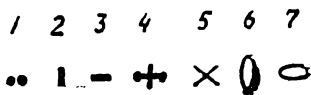
(Составил Юра ФЫН)

Все слова в этом кроссворде — из четырёх букв. Читаются они вокруг цифр по часовой стрелке, начиная с отмеченной клетки.

1. Божество времени и всякого начала и конца у древних римлян. 2. Имя девочки. 3. Товарная упаковка. 4. Планета. 5. Овечья шерсть. 6. Учебное занятие. 7. Полезное ископаемое. 8. Естественный водный

ЧТО БУДЕТ ДАЛЬШЕ?

Рассмотрите внимательно эти изображения: нетрудно заметить, что некоторые из них «зависят» от предыдущих членов ряда, как-то их повторяют...

Постарайтесь сообразить, какое должно быть восьмое изображение.

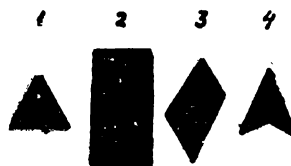
Отдел ведёт В. Акентьев

поток. 9. Часть океана, более или менее отграниченная сушей. 10. Приток Волги. 11. Единица измерения. 12. Пушной зверь. 13. Пространство между палубой и днищем судна. 14. Месяц. 15. Кондитерское изделие. 16. Цирковой номер. 17. Млекопитающее. 18. Морской рак. 19. Выдающийся французский учёный. 20. Немецкий философ. 21. Механическое повреждение тканей организма. 22. Изделие из багета. 23. Южноамериканское вьючное животное. 24. Музыкальный инструмент.

ТРИ РЕШЕНИЯ

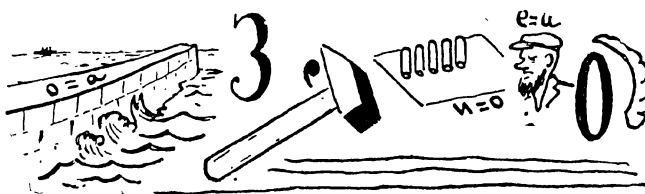
Найдите среди этих четырёх фигур одну «лишнюю» — отличающуюся каким-то признаком от всех других.

Задача имеет три решения, причём «лишней» будет в каждом случае другая фигура.

РЕБУС

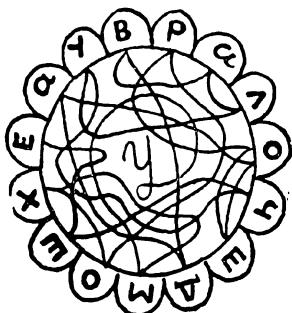
(Составила Люда ПЕТРОВА)

ПУТАНИЦА

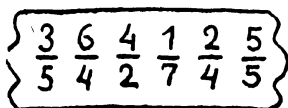
Вот как написала Тоня Грушвенчук (270-я школа) полюбившуюся ей пословицу.

Попробуйте разобраться в этой путанице.

КОСМОНАВТЫ

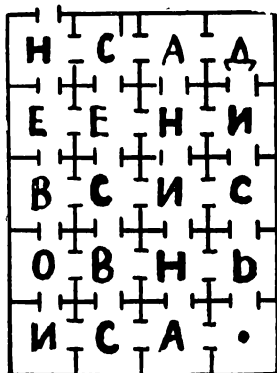
(Составил Серёжа ШИЛОВ, 170-я школа)

Здесь зашифровано какое-то слово. Чтобы прочесть его, нужно написать фамилии первых наших космонавтов (Гагарин, Титов, Николаев, Попович, Быковский, Терешкова) и... подумать!..

«ЛАБИРИНТ»

(Составил Толя ИВАНОВ, 483-я школа)

Пройти от входа до комнаты, обозначенной точкой, побывав при этом в каждой комнате по одному разу, и прочесть пословицу.

ХОДОМ КОНЯ

(Составила Лида ПОЗНЯК, 222-я школа)

Н	е	м	й
я	о	а	м
о	о	с	с
м	о	я	н
й	о	я	т

Начиная с отмеченной буквы, обойдите «ходом коня» все клетки фигуры и прочтите загадку.

Конь должен побывать в каждой клетке, но ни одну из них он не может посетить дважды.

Проверь себя

(Ответы к «Искорне» № 11, 12)

КРОССВОРД

- Крот.
- Пика.
- Лапа.
- Волк.
- Нева.
- Кипр.
- Липа.
- Сало.
- Вето.
- Карп.
- Пила.
- Сила.
- Соты.
- Енот.

ЧАЙНВОРД «О»

- Окно.
- Озеро.
- Облако.
- Огниво.
- Овцеводство.
- Отчество.
- Осло.
- «Отелло».
- Онтарио.
- Око.

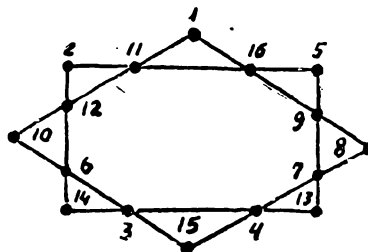
МАЛЕНЬКИЙ РЕБУС

ВАВИ(с)лон=Вавилон.

МАГИЧЕСКИЙ КВАДРАТ

Одно из возможных решений: топор, опора, посад, орава, радар.

ГОЛОВОЛОМКА

Решение смотрите на рисунке.

СОДЕРЖАНИЕ

Большой совет. Стихотворение Н. Слепаковой	1
Клишкин шар. Рассказ А. Власова и А. Млодика	2
Ушастик. Рассказ Эмиля Офина	16
Стихи о собаках. Цикл стихов О. Тарутина	24
Последний раунд, Карандаш. Рассказы А. Цветова	27
Тихоокеанский кратер. Научно-фантастическая повесть А. Шалимова	32
Солнце опоздало. Стихотворение А. Воронина	46
Выстрел над Невой. Очерк Эд. Аренина	47
Не забудьте сказать «Спасибо!». Очерк М. Рачко	53
Золотая иголка. Очерк В. Сулова	57
Добрый Мишка, Заяц-умора. Сказки Ю. Степанова	59
Пёстрые заметки	60
Клуб смекалистых ребят	62

На 1-й странице обложки рисунок художника Г. Ясинского
«Шайбу! Шайбу!»

На 2-й странице обложки фотография Г. Сафонова «Двена-
дцать ноль ноль».

На 3-й странице обложки фотоочерк Г. Сафонова «Не за-
будьте сказать «Спасибо!».

На 4-й странице обложки рисунок художника Г. Ясинского
«Позабыл!».

Редактор В. Л. БИАНКИ

Адрес редакции: Ленинград, Д-23, Фонтанка, 59, комн. 115

М-99005 Сдано в набор 21/XI 1966 г. Подписано к печати 7/1 1967 г. 4 печ. л.
Заказ № 1752. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 73700

Типография имени Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57

***Не забудьте сказать
«Спасибо»!***

Текст читайте на 53-й странице.

Или?.. или?..
или?.. или?..
Мы же это
проходили!
Только кто там
победил?
Персы турок
разгромили?..
Или турки персов?..
Или
скифы рыцарей

побили?..
или греки?..
Позабыл...
Карфаген?..Троянцы?
Спарта?..
Македонский?..
Ганнибал?..
Я как раз тогда
под партой
с Вовкой
в фантики играл...